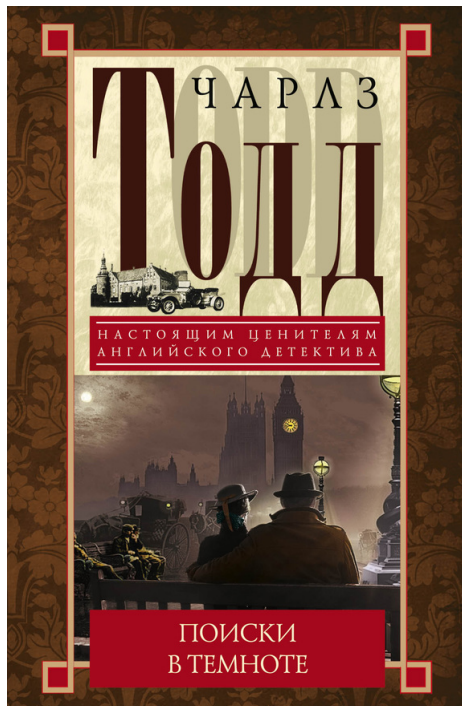

Чарлз Тодд
Поиски в темноте
Серия «Инспектор Иен Ратлидж»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9870578
Чарлз Тодд. Поиски в темноте: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05591-0 , 978-5-227-05592-7

Аннотация

Проезжая мимо небольшого городка в Дорсетшире, бывший солдат Берт Моубрей увидел на платформе свою жену и детей, погибших во время бомбежки. Решив, что они живы и жена его обманула, солдат разыскивает их, угрожая убить. Спустя несколько дней в окрестностях находят труп женщины с изуродованным лицом. Все улики указывают на помешавшегося от горя солдата. Инспектор местной полиции Хильдебранд убежден в том, что потерпевшая – жена Моубрея. В его виновность не верит только инспектор Скотленд-Ярда Иен Ратлидж. Преодолевая сопротивление и неприязнь Хильдебранда, Ратлидж упорно ищет настоящего виновника преступления...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Чарлз Тодд

Поиски в темноте

*Посвящается Дж., а также местам на карте и связанным с
ними воспоминаниям*

Search the Dark Copyright © 1999 by Charles Todd

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

Все указывало на то, что преступление совершено на почве страсти. Убийца оставил столько следов, что найти его не составило бы труда и слепому.

Скотленд-Ярд привлекли к расследованию не из-за личности убийцы, а из-за личности жертвы.

Никто не мог сказать, кто она такая. Точнее, никто не знал, под каким именем она жила после 1916 года. Кроме того, непонятно было, что стало с женщиной и двумя детьми, стоявшими вместе с ней на железнодорожной станции. Лежат ли где-то их трупы или они – лишь плод воспаленного воображения убийцы?

Полиция Дорсета с радостью передала дело Скотленд-Ярду. А в руководстве Скотленд-Ярда его решили поручить инспектору Иену Ратлиджу.

* * *

Все началось достаточно просто. На станции в маленьком дорсетском городке под названием Синглтон-Магна остановился лондонский поезд. Остановки в Синглтон-Магна были короткими. На платформу сошли с полдюжины пассажиров, а их место заняли отпускники, ехавшие на юг, на побережье. Носильщики благополучно выгрузили коробки и мешки. Поезд укатил, когда еще не успел развеяться едкий дым, заполнивший станцию по его прибытии.

Наступил конец августа, и день для конца лета был довольно жаркий. У опущенного окна в вагоне второго класса стоял мужчина, надеявшийся вдохнуть хоть немного свежего воздуха. Рубашка липла к спине под поношенным костюмом; темные волосы неряшливо падали на лоб. Лицо у него было осунувшееся, в углах рта наметились глубокие складки, под усталыми глазами темнели круги. Хотя лет ему было не так много, он считал себя стариком.

Высунувшись в окно, он наблюдал за тем, как дородный начальник станции помогал сойти со станции какой-то бледной, сутулой женщине. До его слуха долетел ее жалобный голос:

– ...такие лишения...

«Что ей известно о лишениях?» – устало подумал мужчина. Сутулая пассажирка путешествовала первым классом, а кожаный дорожный несессер, который она прижимала к себе, стоил больше, чем получали в месяц многие из тех, кому повезло найти работу.

В Лондоне с работой было туго. Но он узнал, что одна строительная фирма в городке Лайм-Риджис вроде бы набирает рабочих. Путешествие по железной дороге было роскошью, которую Берт Моубрей не мог себе позволить. С другой стороны, он понимал, что работа ждать не будет; пришлось напрячься. Он не хотел даже думать о том, что будет, если его неверно информировали и, когда он прибудет на место, его не ждет ничего, кроме мрачного кивка и слов: «Нет, работы нет. Извините».

Моубрей смотрел, как носильщик катит по платформе нагруженную тележку. За ней шли две пожилые женщины. Вагоны поезда были набиты отпускниками, ехавшими на море. В Синглтон-Магна к ним присоединились еще две семьи. Неожиданно его внимание привлекла женщина, стоявшая рядом с соседним вагоном. Опустившись на корточки, она утешала плачущую девочку. Мальчик, намного младше девочки, на вид ему можно было дать не больше двух лет, прижимался к штанине мужчины, который с покровительственным видом склонился над ними. Он что-то сказал женщине, а потом девочке.

Моубрей не сводил потрясенного взгляда с женщины. Он похолодел от ужаса. «Нет, не может быть, чтобы это была Мэри...»

– Боже мой! – выдохнул он. – Господи!

Он бросился к двери, едва не сбив широкополую шляпу с головы какой-то удивленной фермерши, не успевшей посторониться. Моубрей споткнулся о ее корзинку и, пока размахивал руками, стараясь не упасть, потерял несколько драгоценных секунд. Спутница фермерши, помоложе и покрепче с виду, встала и, подбоченившись и покрасневшись от злости, спросила, что он о себе вообразил. Поезд дернулся; Моубрей сообразил, что они поехали. Все дальше от станции...

– Нет... нет! Погодите! – закричал он, но было уже поздно, поезд набирал ход. Платформа, а потом и весь городок остались вдали. За окнами замелькали поля.

Моубрей был вне себя от досады и горечи. Он громко звал проводника, требуя немедленно, сейчас же остановить поезд. Проводник, флегматичный человек, привыкший за годы войны иметь дело с пьяными солдатами и моряками, которые подолгу не бывали на берегу, попытался его утешить:

– Пропал свою остановку, приятель? Ничего страшного, сойдешь на следующей, она совсем скоро.

Но ему пришлось держать Моубрея, пока они не прибыли на следующую станцию. Проводник решил, что Моубрей выжил из ума; он пытался выброситься из поезда. Два дюжих кочегара, ехавшие в Веймут, помогли проводнику усадить буяна на сиденье. Сидевшая в том же купе старая дева, несмотря на жару, с траченным молью лисьим воротником на плечах, поджав губы, угрожала закатить серьезную истерику.

К тому времени, как поезд подъехал к следующему городку, Моубрей перешел от дикой ругани и угроз к беспомощным, злым слезам. Его потертый чемодан бесцеремонно выкинули на платформу; он растерянно и ошеломленно озирался по сторонам.

Не говоря ни слова удивленному начальнику станции, он отдал ему свой билет до Лайм-Риджис и быстро зашагал по ближайшей дороге в обратную сторону.

Придя в Синглтон-Магна, он не нашел на станции ни женщины, ни мужчины, ни детей. Никто не мог сказать ему, где их искать. Моубрей отправился в единственную в городке, небольшую, каменную гостиницу, которая называлась «Лебедь» (похоже, художник, рисовавший вывеску, отличался буйной фантазией). Он спросил у портье, не поселялась ли у них семья из четырех человек, которая прибыла двенадцатичасовым поездом. Он заходил в продуктовые лавки, заглянул в две чайные рядом со станцией. Везде он описывал приметы женщины, детей и мужчины и ужасно напугал одну продавщицу, уверяя, что она непременно, *непременно* должна была видеть их.

Моубрей остановил автомобиль, служивший городским такси, и злобно обозвал водителя лжецом, потому что тот уверял, что не видел ни такой женщины, ни такого мужчины, тем более детей.

– Смотрите сами, у меня их нет, – сухо заявил пожилой шофер, тыча пальцем себе за спину. – Видите? Я ждал долго, но со станции не выходили люди, похожие на тех, о ком вы говорите. Если вы должны были здесь с ними встретиться, значит, вы просто разминулись. Может, вы время перепутали?

– Но не могли же они сквозь землю провалиться! – вскричал Моубрей. – Я непременно должен их разыскать! Ах она, дрянь... Ведь дети-то мои! А она – моя жена! Что-то не так... Если она меня обманула, если изменила мне, клянусь, я ее убью! Говорите, куда она ушла, не то я и вас придушу!

– Да ну? – возмутился водитель, выпячивая подбородок и багровея от злости.

Весь день Моубрей рыскал по Синглтон-Магна; констеблю пришлось дважды пригрозить, что он арестует его за нарушение общественного порядка. Злость постепенно смени-

лась суровой решимостью. Он замкнулся в мрачном, зловещем молчании. В тот вечер он обошел все дома на окраинах городка и спрашивал о женщине и детях. Не проходили ли они мимо по дороге? Может быть, их кто-нибудь видел? Кто-нибудь знает, откуда они пришли и куда направлялись?

Но жители городка дружно качали головами и захлопывали двери перед носом странного чужака с бешеными глазами, в потертом костюме.

Ночь Моубрей провел под деревом у станции; он дожидался двенадцатичасового поезда. Он ничего не ел и не спал. Его душила такая ярость, что обо всем остальном он просто забыл.

Весь следующий день он тоже провел в Синглтон-Магна. Он бродил по улицам городка, словно проклятая душа, которая никак не может найти дорогу в ад и не понимает, куда теперь деваться. Прохожие шарахались от него. Сам Моубрей тоже сторонился людей. Он выискивал взглядом женщину в розовом платье в цветочек, с волосами цвета темного меда, с ниткой жемчуга на шее. Вечером он куда-то ушел. Его отсутствие осталось почти незамеченным.

Тем же вечером фермер увидел на краю своего поля труп женщины. Кровь из ее ран впиталась в землю, словно женщина была жертвой, принесенной богу плодородия. Фермер вызвал полицию; стражи порядка проявили достойную восхищения расторопность. Едва они увидели расprostертое на земле тело, как тут же арестовали мужчину, разыскивавшего свою жену. Хотя личность жертвы не была установлена, ясно было одно: она не местная. Судя по изуродованному, обезображенному лицу, преступником владел нестерпимый, отчаянный гнев. Значит, он все-таки нашел сбежавшую жену... Оставалось одно: получить признание убийцы.

Тем же вечером Моубрея нашли. Он крепко спал возле станции, под тем же деревом, что и накануне. Его разбудили и надели на него наручники. Он не сопротивлялся и вскоре очутился в тюремной камере при местном полицейском участке.

Инспектор, арестовавший Моубрея, поздравил себя с быстрым раскрытием преступления, которое совершилось практически у него под носом.

– Чистая работа! – говорил он ошеломленному фермеру, сидевшему в его кабинете. – Все сделано как по нотам. Совершено убийство, убийца пойман. Покончить с преступностью раз навсегда пока невозможно, зато мы умеем ловить преступников... На том стоим!

– Это тот самый тип, что рыскал по всему городу и искал пропавших жену и детей?

– Да. Вот дурень-то! Разве что не объявлял заранее, что он с ними сделает, когда найдет.

– А где тогда мужчина и дети? Уж не у меня ли на поле? Учтите, я не допущу, чтобы ваши люди топтали мой хлеб! Вот уберу урожай, тогда пожалуйста. Мою жену удар хватит... она и так расстроилась! Пришлось два раза вызывать к ней доктора...

Инспектор Хильдебранд помрачнел. Ему нравилось обсуждать свои успехи, а не упущения.

– Где они, мы не знаем. На всякий случай я разослал людей по окрестностям. Скорее всего, убийца и их прикончил, только не сознается. Сидит как окаменелый... Он словно не слышит ни слова из того, что ему говорят. Не волнуйтесь, мы их найдем. Скорее всего, они тоже окажутся мертвыми. Может быть, женщину он приберегал напоследок, она сбежала от него, а ему пришлось за ней гоняться. Вопрос времени, только и всего. Рано или поздно мы их найдем.

Однако найти мужчину и детей так и не удалось. В конце концов, распутывать клубок пришлось Скотленд-Ярду и инспектору Ратлиджу, в то время как Хильдебранд успел окончательно закрепиться на занятой позиции и покидать ее не собирался.

Глава 2

Иен Ратлидж ехал по сельской местности, слушая ворчанье Хэмиша. Настроение у Хэмиша то и дело менялось. Было тепло; в машине запахло свежескошенным сеном.

Запах фосгена...

Ратлидж не знал, избавится ли он когда-нибудь от таких воспоминаний. Забудет ли он о безмолвных убийцах, косивших солдат на полях сражений? На фронте быстро приучаешься различать их – иприт, или горчичный газ, фосген, хлорпикрин... Но знания о газах лишь отягчали положение. Когда понимаешь, к каким последствиям они приводят, боишься гораздо больше...

«А я вот, чувствуя этот запах, вспоминаю вовсе не газ, – хрипло проговорил Хэмиш, – а сенокос. В августе четырнадцатого. Тогда я еще понятия не имел, что где-то далеко убили какого-то эрцгерцога. Я помню, как мы косили... Фиона стояла на подводе, вся пропахшая свежескошенным сеном, а лошади взмокли от пота. Какой тогда был сенокос! Макдоналды ругались напропалую – они все не могли угнаться за одним Маклаудом...»

– Да, ты мне все рассказывал в ту ночь... – вслух начал Ратлидж, но тут же опомнился. Капрал Хэмиш Маклауд действительно рассказывал ему о сенокосе в ночь своей смерти. Это было во Франции. Странно... Запах свежескошенного сена навеял столько воспоминаний!

Ратлидж давно привык беседовать с Хэмишем, который существовал лишь в его подсознании. Все началось во время битвы на Сомме. Кровавая баня продолжалась несколько месяцев. Число жертв росло с астрономической скоростью. Солдаты так устали, что просто переставали соображать. Они шли в одну бессмысленную атаку за другой, гибли десятками и сотнями, но так и не могли отбить высоту у немцев.

Казалось бы, что такое одна человеческая жизнь по сравнению с общими ужасающими потерями? И все же гибель молодого капрала-шотландца оставила след в душе Ратлиджа.

Хэмиш Маклауд погиб не от рук врагов. Его расстреляли свои за неподчинение приказу. Это случилось перед рассветом, когда немцы начали артподготовку, Ратлидж сам добил его из пистолета...

Он вынужден был действовать по закону военного времени. Смерть Хэмиша послужила горьким уроком для остальных. Ради нескольких тысяч солдат, которые готовились к очередной атаке, пришлось примерно наказать одного. Глядя смерти в лицо, необходимо знать, что ты можешь положиться на того, кто стоит рядом с тобой – как и он может положиться на тебя.

Тогда тоже было жарко... Ратлидж до сих пор вспоминал грохот пушек, пулеметные очереди, крики раненых. Его ноздри улавливали запах страха и гнилостную вонь разлагающихся трупов. Он видел перед собой затравленный взгляд капрала, которому легче было погибнуть самому, чем снова вести солдат в пекло, под пулеметный огонь.

И все оказалось напрасно!

Еще через миг их окоп разворотило снарядом. В густой вонючей жиже они очутились вперемишку – живые и мертвые, офицеры и солдаты. Почти все погибли на месте; многие раненые задохнулись. Собаки разыскали их через несколько часов. По иронии судьбы, следующий снаряд угодил в пулеметный расчет, который они безнадежно пытались обезвредить всю ту долгую страшную ночь.

Ратлидж выжил чудом. Оглуший, ослепший, контуженный, он очутился в небольшом воздушном кармане. Его закрыл чей-то труп, и он дышал. Потом, на пункте первой помощи, он узнал, что сверху на него упало тело Хэмиша. Его гимнастерка была в крови Хэмиша, он дышал, уткнувшись в грудь Хэмишу. Выглядело так, что Хэмиш спас ему жизнь. После того как он выбрался из ямы, где его похоронили заживо, у него развилась клаустрофобия.

Он получил тяжелую психическую травму, был весь в кровоподтеках, не понимал, где находится. Ему позволили несколько часов поспать и тут же послали обратно, на передовую. Вместе с ним туда вернулся Хэмиш. Он обрел вторую жизнь в сознании Ратлиджа. Теперь Ратлидж почти все время слышал голос капрала с мягким шотландским выговором. Хэмиш был сильной личностью при жизни; таким же он остался и после смерти.

Ратлидж никому не рассказывал о Хэмише. Он терпел, стиснув зубы, потому что не сомневался, что конец близок. Его ждет смерть – или безумие. В этом он был уверен так же, как в том, что дышит. Только мысли о близкой смерти позволяли ему не сойти с ума окончательно.

Хэмиш последовал за ним в тыл. Он не был призраком, которого можно изгнать. Он навсегда поселился в потайных отделах сознания Ратлиджа, его голос не звучал только во сне.

Ратлидж привык делиться своими мыслями с мертвецом. Гораздо легче было отвечать Хэмишу, чем ожидать, что призрачная рука похлопает по его плечу, чтобы привлечь его внимание, или увидеть краем глаза белое, пустое лицо призрака, который упорно добивается от него ответа. Пока ничего подобного не происходило... пока... но Хэмиш был таким настоящим, что Ратлидж постоянно смертельно боялся, что когда-нибудь слишком быстро обернется через плечо и мельком увидит призрачную фигуру у себя за спиной. Так близко, что до него можно дотронуться. Так близко, что он почувствует, как дыхание Хэмиша ерошит ему волосы, касается щеки.

– Тогда мы устроили пикник... в августе, – продолжал Ратлидж, меняя тему. – Пошли по Темзе, вверх по течению, и остановились в буковой роще, такой густой, что солнце проникало сквозь листья лишь багровыми пятнами...

Воспоминание о пикнике было связано с Джин, которая сейчас была для него такой же мертвой, как Хэмиш. Неделью назад он прочел в «Таймс» объявление о ее помолвке. Джин собиралась замуж за человека, который почти всю войну прослужил дипломатом в Южной Америке. Вдали от стрельбы, резни и страшных снов.

– Говорят, скоро он получит место в Оттаве, – сказала Франс, приехавшая утешить Ратлиджа. Сестра была знакома со всеми нужными людьми и всегда одной из первых узнавала свежие сплетни. – Подальше от всего этого. – Она неопределенно махнула рукой, но Ратлидж отлично понял, что она имеет в виду.

Подальше от Великобритании, где еще не зажили шрамы от смерти, боли и страданий. И подальше от него, Ратлиджа... Джин стала его бояться.

– У Джин настоящий дар. Она умеет отделяться от неприятностей, – сухо продолжала Франс. – Пожалуйста, не думай о ней... не допускай, чтобы тебя тревожили воспоминания! Не мучай себя тем, что она быстро нашла тебе замену! Дорогой мой, по-моему, тебе крупно повезло, что ты на ней не женился, пусть даже сейчас ты думаешь по-другому! Из таких поверхностных женщин, как она, получаются ужасно скучные и требовательные жены. Хотя, не скрою, сначала мне показалось, что она не такая... Наверное, я, как и ты, принимала желаемое за действительное! Ничего, скоро ты обязательно встретишь женщину, достойную тебя!

Почему его сознание так ловко находит источник мучений? У него есть воспоминания о Джин... и о Хэмише. Они заполняют все его мысли.

Ратлидж вздохнул. Выбор у него невелик. Женщина, которая обещала выйти за него замуж, и мужчина, которого он лишил жизни. Ни один врач не способен исцелить разбитое сердце и поврежденный разум.

Врачи лишь пожимали плечами и говорили Ратлиджу:

– У вас психическая травма, полученная на войне... она проходит у всех по-разному. Когда вы сможете лучше спать... когда ослабеет стресс от войны... от вашей работы... от ваших воспоминаний... ослабеет и ваша связь с Хэмишем Маклаудом.

Но стресс был сущностью войны. Стресс был сущностью его службы в Скотленд-Ярде. Ратлидж почти каждый день имел дело со смертью, кровью и страхом. Он расследовал убийства. Возможно, такая работа не очень подходила тому, кто недавно вернулся с фронта, но он не умел делать ничего другого. Да и сил на то, чтобы приобрести другую профессию, у него не было. Кроме того, работодатели наверняка будут подробно изучать его историю болезни – подробнее, чем ее изучали в Скотленд-Ярде, когда он после войны вернулся туда... Лучше не открывать ящик Пандоры.

Ратлидж не сомневался, что суперинтенденту Боулсу известно о его военном прошлом больше, чем остальным. Боулс выдавал взгляд – цепкий и настороженный. Иногда он многозначительно ухмылялся, глядя на Ратлиджа, но ничего не говорил. Только поручал Ратлиджу задания, за которые другие по той или иной причине не хотели браться. Как, например, то, из-за которого он сейчас ехал в Дорсет.

– У жены инспектора Бартона осложненная беременность. Она боится остаться одна. Траск – типичный лондонец. Он не умеет ориентироваться в сельской местности. Если он поедет в Дорсет, боюсь, он скоро заблудится, и его придется искать. Ну а Джек Бингем через два дня идет в отпуск. – Примерно так Боулс обосновывал свой выбор.

Правда, Ратлидж и сам радовался возможности ненадолго уехать из Лондона. У одиночества есть свои преимущества, хотя по-настоящему один он никогда не оставался. С ним был Хэмиш.

У следующего указателя Ратлидж свернул с шоссе и покатил на юго-запад, в сердце Дорсета. Запах сена стал слабеть. Ратлидж заставил себя забыть о войне и сосредоточиться на настоящем.

Он вспомнил, что Дорсет – родина Томаса Харди. Писатель так или иначе воспел родной край во всех своих произведениях... Ратлидж прекрасно помнил ярких, мятежных героев Харди. Он обратил внимание и на особый здешний свет. Казалось, что воздух в Дорсете золотисто-коричневый; такой оттенок придавали ему земля и листва на деревьях. Не размытая пастель, как в Норфолке, не буйная зелень, как в Кенте, не влажная серость, как в Ланкастере. В Дорсете издавна разводили скот и торговали шерстью, добывали камень, строили дома и сеяли хлеб. По обочинам старых дорог, проложенных саксами задолго до завоевания Англии норманнами, лепились маленькие городки. За домами виднелись луга, на которых пасся скот.

Ратлидж поймал себя на мысли: вот бы спросить каких-нибудь художников, например Кэтрин Таррант, видят ли они такой же оттенок в здешнем воздухе или особые цвета Дорсета – плод его буйной фантазии?

До городка Синглтон-Магна он добрался очень быстро. Только что мимо мелькали поля – и вот он уже катил по улице среди домов. Переход был очень резким, как будто кто-то провел по земле черту. С одной стороны появились рельсы; они привели его на станцию.

Повернув на главную улицу и сбавив скорость, Ратлидж поехал мимо лавок, где велась оживленная торговля, и крестьянских подвод, стоявших вдоль обочин. Он отыскивал взглядом полицейский участок.

Участок оказался настоящим закутком; он помещался во флигеле большого дома рядом с единственным в городке банком. Ратлидж отметил, что раньше во флигеле находилась лавка. Витрину замазали белой краской, а сверху черными буквами вывели: «ПОЛИЦИЯ». Металлическая ручка на зеленой двери с многочисленными вмятинами потускнела от старости. Соседний банк выглядел куда величественнее. Судя по красивому портику, там тоже раньше было что-то другое, скорее всего, торговый дом или церковь.

Найдя место для парковки и распахнув дверцу, Ратлидж увидел, как распахнулась зеленая дверь флигеля и вышел высокий сутулый человек среднего возраста. Окинув Иена мрачным взглядом, человек спустился с крыльца.

– Вы, случайно, не инспектор Ратлидж?

– Да, я Ратлидж.

Незнакомец протянул длиннопалую руку:

– Маркус Джонстон. Мне поручили защищать беднягу Моубрея. Неприятное дело... Просто отвратительное! К тому же он ни слова не говорит, даже мне. Одному Богу известно, как мне его защищать! Пока я советую ему положиться на милосердие судьи.

Вспомнив своего отца-юриста, Ратлидж ответил:

– Я почти ничего не знаю ни о нем, ни о том, что он сделал. В Скотленд-Ярд прислали лишь самые общие сведения. Насколько я понимаю, он искал здесь, в городке, свою жену? А потом кто-то обнаружил ее труп... Детей и мужчину так и не нашли.

– Совершенно верно. Наши стражи порядка делают все, что в их силах. Обыскивают всю округу в радиусе нескольких миль. Пока не нашли ни трупов, ни свежих могил. Очень странно, что женщины никто не хватился. Нет ни безутешного вдовца, ни плачущих детей... – Адвокат вздохнул. – Скорее всего, они тоже погибли. А Моубрей твердит одно и то же: зачем ему убивать собственных детей?

Мимо прошла женщина; Джонстон коснулся шляпы. Она кивнула, покосившись на Ратлиджа.

– Перед отъездом из Лондона я навел кое-какие справки. Мне сказали, что в шестнадцатом году, когда разбомбили дом Моубрея, он находился во Франции. Ему дали отпуск по семейным обстоятельствам; он приехал на похороны жены и детей. После того как тела извлекли из-под развалин дома, их опознал констебль. И жена, и оба ребенка погибли. Сам Моубрей их мертвыми не видел; ему сказали, что будет лучше, если он запомнит их живыми.

– Инспектор Хильдебранд считает, что произошла какая-то ошибка. Хотя констебль не сомневался, что видел трупы жены и детей Моубрея, под развалинами могла оказаться совсем другая семья. Насколько я понял, бомба попала в их дом, но рухнули еще два соседних. Погибло пятьдесят с лишним человек. Констебль вполне мог ошибиться, тем более что дело было ночью, кругом полыхали пожары и было много раненых. – Джонстон поморщился. – Бомбы и груды камня... Наверное, там почти не на что было смотреть.

– Если во время бомбежки погибли не Моубреи, а другая семья, почему их никто не искал – ни родители, ни родственники, ни муж, приехавший в отпуск? Странно, что никто не объявлял их в розыск и не обнаружил путаницы.

– Кто же его знает почему, – устало ответил Джонстон. – Судя по всему, у погибшей женщины не было близких родственников. Возможно, жена Моубрея решила воспользоваться удобным случаем и начать новую жизнь. Вполне правдоподобно, если предположить, что она устала ждать мужа с фронта. Решила радоваться жизни, пока она еще молода... Вот и сбежала, чтобы не пришлось потом разводиться...

С полдюжины солдат, служивших под началом Ратлиджа, в разное время ездили в отпуск по семейным обстоятельствам. Почти все они получили от жен письма с просьбой о разводе. Один пришел в настоящую ярость...

«Рядовой Уилсон, – напомнил ему Хэмиш. – Он говорил, что непременно вернет ее или выяснит, почему она решила от него уйти. Его арестовали в Слау за нападение и приговорили к шести месяцам тюрьмы».

Видимо, догадавшись, о чем думает Ратлидж, Джонстон продолжал:

– Представьте себе состояние солдата на фронте, которому сказали, что его близких убили... По-моему, о нем она и не подумала. Может быть, она помнила, что он сам не свой в

припадках ярости, и все... – Адвокат ссутулился, как будто на его плечах лежала вся тяжесть мира.

Ратлидж понял, что глубокие морщины на длинном, худом лице Джонстона – не просто дань возрасту или усталости. Вернувшись из Франции, он часто видел такое выражение на лицах соотечественников. Джонстон потерял на войне сына; он так и не смог до конца оправиться. Гибель незнакомой молодой женщины не стала для него таким же потрясением, как смерть на чужбине единственного родного человека, который, вероятно, был для него смыслом жизни. Джонстон делал для своего подзащитного все, что требовалось по закону, но не более того.

– Спасибо за откровенность. – Ратлидж посмотрел на дверь участка.

Джонстон как будто сообразил, что его пессимизм в отношении исхода дела виден невооруженным глазом. Натянуто улыбнувшись, он сказал:

– Конечно, все только начинается! Еще рано судить!

Чувствовалось, что он сам себе не верит.

Ратлидж посмотрел адвокату вслед и поднялся на крыльцо. Толкнув дверь, он попал в настоящий бедлам. В тесное помещение дежурной части, рассчитанное в лучшем случае на двоих, набилось с полдюжины человек. Ему показалось, что стены сжимаются вокруг него, и он невольно резко втянул в себя воздух.

Дежурный констебль поднял голову от своих записей и недружелюбно спросил:

– А вы чего хотите?

– Ратлидж, из Лондона, – с трудом, хрипло выговорил Ратлидж. Все присутствующие обернулись к нему, отчего клаустрофобия стала еще сильнее. Он вжался в дверь.

– Ага! – невозмутимо ответил констебль. – Прошу следовать за мной, сэр. – Он провел Ратлиджа сквозь толпу, и они очутились в темном, душном коридоре, где пахло капустой и пылью. – Мы организуем дополнительные поисковые отряды, – объяснял констебль на ходу. – Ведь мужчину и детей пока так и не нашли...

Ратлидж не ответил. Они дошли до двери, выкрашенной в коричневый цвет. Констебль постучал и повернул ручку.

Комнату заливали лучи закатного солнца. Высокие окна выходили на небольшой внутренний двор, заросший сорняками. Здесь тоже было очень душно, но открытые окна все же помогли Иену справиться с клаустрофобией. Свет и свобода! Хэмиш у него в подсознании тоже вздохнул с облегчением – он страдал не меньше Ратлиджа.

– Инспектор Ратлидж, инспектор Хильдебранд. Если позволите, сэр?... – Не договорив, констебль вышел и закрыл за собой дверь.

Хильдебранд оглядел Ратлиджа с ног до головы и мрачно заметил:

– А обещали прислать опытного.

– Я служил в Скотленд-Ярде еще до войны... – начал Ратлидж.

– Но почти всю войну вас там не было, – закончил за него Хильдебранд.

Его волосы посеребрила седина, но лицо было моложавым. Ратлидж решил, что ему лет сорок пять, не больше.

– Ну ладно. Садитесь! Итак, вот что мы имеем. Судя по всему, жертву звали миссис Мэри Сандра Моубрей из Лондона. Ее внешность примерно совпадает с приметам покойной миссис Моубрей... наверное, лучше называть ее якобы покойной. Даже лондонцы умирают только один раз, верно? Арестованный Моубрей носил в бумажнике фотографию жены и детей; их сняли в пятнадцатом году, перед тем как он отплыл во Францию. Мы изготовили копии и разослали их по округе. Пока никакого ответа мы не получили. – Хильдебранд взял из груды бумаг папку и придвинул ее Ратлиджу.

Раскрыв папку, Ратлидж увидел выпцветший снимок. Молодая женщина смотрела прямо в объектив, прищурившись от солнца. На ней было платье в цветочек, на шее – нитка

жемчуга. Волосы, скорее всего, темно-русые; такие слегка меняют оттенок в зависимости от освещения. Красивое овальное лицо с правильными, благородными чертами лица. Дети, стоявшие по обеим сторонам от матери, вышли четче. Мальчик не старше двух лет, одет в матроску и шапку, лихо заломленную на одну сторону. Улыбаясь во весь рот и шурясь, он прижимал к груди мяч размером почти с себя. Девочка, уже переросшая младенческую пухлость, красотой явно пошла в мать. Она весело улыбалась, показывая передние молочные зубы. На вид ей можно было дать лет пять с небольшим. Рукой она держалась за юбку матери, а голову наклонила. Судя по открытому взгляду, у нее был веселый добрый нрав.

Отложив снимок, Ратлидж стал перебирать другие документы из папки: официально заверенные копии брачного свидетельства из Лондона, выписанного на имя Мэри Сандры Марш и Альберта Артура Моубрея, копии свидетельств о рождении детей и свидетельств о смерти Мэри и двух детей. Подписаны неразборчиво каким-то лондонским врачом. Во всех трех свидетельствах причиной смерти значились «травмы, несовместимые с жизнью». Все травмы, как следовало из свидетельства, выявлены на вскрытии.

– Печально. – Хильдебранд покачал головой. – Молодая женщина, муж воюет во Франции. Ей одиноко. Наверное, она сказала бедняге, что для нее он все равно что умер... И отъявленной лгуньей ее не назовешь, верно? На войне погибли многие. Только не ее муж. Он выжил, вернулся домой. Наверное, ей и в страшном сне не могла присниться такая вот случайная встреча! И надо же, какое совпадение: он едет из Лондона на побережье в поисках работы и видит ее на платформе в Синглтон-Магна. Среди бела дня!

– Думаете, она тоже сразу его узнала? Увидела, как он высунулся из окна вагона? – спросил Ратлидж, просматривая показания проводника и нескольких пассажиров, ехавших тем же поездом: фермерши и ее сестры, а также двух кочегаров, которые возвращались на свой корабль.

– По-моему, все очень логично. И становится понятно, почему они вчетвером в такой спешке покинули город. Ведь нигде ни следа! Ее мельком видели на станции – скорее всего, еще до того, как ее выследил Моубрей. После этого она как сквозь землю провалилась. Я лично наводил о ней справки, никому другому не поручал.

– Все правильно, – рассеянно сказал Ратлидж, перечитывая сухие протоколы. – И все же мы не знаем наверняка, что на станции были именно жена и дети Моубрея. Никто, кроме него, их не видел.

– А я еще отправил запрос в Лондон, – с довольным видом ответил Хильдебранд. – В ту ночь, когда немцы устроили бомбежку, на улице, где жили Моубреи, погибло несколько семей. Миссис Моубрей с детьми опознал констебль Тедли. Их тела нашли на лестнице в подъезде дома, где она жила. А потом никто не опроверг слова констебля. Вот почему никто не стал искать людей, которые могли остаться в живых. Что касается Лондона, мне почти все ясно.

Ратлидж кивнул и закрыл папку.

– Как Моубрей потом все же нашел ее? – спросил он. – Он вам сказал?

– Он сейчас не в том состоянии, чтобы говорить. Доктор уверяет, что у него тяжелая степень депрессии. Сидит на койке и смотрит в одну точку. На лице – никакого выражения. Все очень логично, – повторил он. Ратлидж решил, что это его любимое выражение. – Жена умерла дважды, так? Первый раз, когда ему сказали, что они погибли после бомбежки, второй – от его собственной руки. Шок. Вот как это называется! По-моему, любой на его месте испытывал бы то же самое. Конечно, для него это не оправдание... Но нам хотя бы понятно, как все произошло.

Ратлидж прекрасно знал, что такое шок...

– Где орудие убийства? – спросил он совсем с другой интонацией.

– Очень интересный вопрос! Лицо у нее разбито тупым орудием, а под такое определение подходит все что угодно, от тяжелого камня до любого рабочего инструмента. Мы осмотрели инструменты, которые у Моубрея были при себе. Молотки, отвертки, пара пил, уровень и прочее. Нигде нет ни следов крови, ни волос. Значит, орудие он выкинул. Избавился от него. Где? По-моему, там, где оставил другие трупы.

– Каков характер повреждений? Где они?

– Главным образом на лице. Он нанес ей множественные удары, врач насчитал восемь или десять. Но следы есть и на шее. Видимо, он гнался за ней, схватил за горло, повалил и стал бить по лицу. Так бывает часто, если мотив преступления – ревность. Подсознательно ему хотелось сильно изуродовать ее, обезобразить, чтобы соперник больше не смел даже взглянуть на нее. По словам доктора, удары наносились с дикой силой, как будто убийца был охвачен ужасным гневом или страхом.

– На самом Моубрее, на его одежде нет следов крови?

– Нет. Но он вполне мог успеть помыться и даже переодеться. Мы ведь не знаем, сколько запасных рубашек он захватил с собой. В его сумке мы нашли одну рабочую рубашку и одну белую, воскресную. Возможно, их было больше.

Ратлидж вернул папку Хильдебранду.

– Вы позволите мне повидаться с Моубреем?

Хильдебранд встал и ехидно улыбнулся:

– По-моему, знакомство с ним пойдет вам на пользу! Ключ от камеры возьмем по пути.

Они снова вышли в темный коридор и прошли его до конца; ключ хранился в небольшом шкафчике. Хильдебранд отпер дверь слева. Металлический ключ громко лязгал в замке, действуя Ратлиджу на нервы. Когда дверь распахнулась, Хильдебранд сказал:

– К тебе гости, Моубрей. Из самого Скотленд-Ярда. Встать!

Человек, лежавший на койке, застеленной серым солдатским одеялом, медленно спустил ноги на пол и посмотрел на вошедших невыразительным взглядом. Положение он поменял с большим трудом, как будто даже незначительные физические усилия чрезмерно утомляли его, высасывали все силы.

Ратлидж взял стул, стоявший у дальней стены узкой камеры, и придвинул его ближе к койке. Камера оказалась узкой, длинной, без окон. Духота стояла такая, что, казалось, воздух можно пощупать рукой. Хэмиш что-то настойчиво повторял.

– Мистер Моубрей! – обратился к заключенному Ратлидж.

Моубрей пошевелил ногами и кивнул.

– Ту женщину, которую нашли в поле, убили вы? Женщину в розовом платье? – Ратлидж говорил тихо, спокойно; он не обвинял, а спрашивал как будто только из любопытства.

– Она была моей женой, я бы ни за что не обидел ее, – не сразу ответил Моубрей. Голос у него был хриплый, невыразительный.

– По словам таксиста, ты угрожал убить ее... – начал Хильдебранд, стоявший в дверях. Ратлидж жестом велел ему замолчать.

– Вы злились на нее, так? За то, что она вас обманула, причинила вам такие страдания. Вам ведь дали отпуск, чтобы вы могли похоронить жену и детей. И вдруг... она оказалась жива, и дети тоже, и когда вы увидели их, то первым делом испытали гнев. Неукротимый гнев.

– Я был потрясен... а поезд не останавливался... я вышел из себя... и говорил, не думая. Я бы ни за что не обидел ее.

– Даже за то, что она забрала детей и ушла от вас к другому?

Моубрей закрыл лицо руками.

– *Его* я бы с радостью убил, – хрипло ответил он, – за то, что увивался за ней. И заставил ее уйти от меня. Во всем виноват он, а не она!

– У него только что был адвокат, – снова вмешался Хильдебранд. – Научил его, что отвечать. Вы уже слышали от него больше, чем слышал я... Как будто...

Но Ратлидж не обращал на него внимания; он отмахнулся от потока слов, как будто их не произносили вовсе.

– Где вы оставили детей? Вы можете отвести нас к ним? Мы могли бы им помочь! – Он ждал ответа. Потом негромко добавил: – Вы ведь не хотите, чтобы они стали добычей лис или собак!

Моубрей вскинул голову, и в глазах его горела такая боль, что Ратлидж выругался себе под нос.

– Не знаю, – жалким голосом ответил Моубрей. – Я не знаю, где они. Триша всегда боялась темноты. Я бы ни за что не оставил ее одну в темноте! Но я ничего не помню... мне говорят, что я убил ее, и Берти тоже, а я ничего не помню! У меня в мыслях только ночь и день... вот и все. Я не могу думать о детях... Я схожу с ума!

Ратлидж встал. Он видел, что перед ним сломленный человек. Уж кто-кто, а он отлично знал все признаки! Добиться от Моубрея толку сейчас невозможно. Страшные картины, которые проходят перед его глазами – было все на самом деле или ему только внушили, что так было, – впечатались в его сознание, и сейчас почти невозможно отделить то, что происходило в действительности, от того, что Моубрея только кажется.

Хэмиш злорадно напоминал ему о таких вещах, которые сам Ратлидж предпочитал забыть. Борьба с Хэмишем отнимала у Ратлиджа последние силы.

Моубрей смотрел на него взглядом побитой собаки. Ратлидж повернулся к двери. Он не доверял собственному голосу, потому что ничем не мог утешить несчастного. Моубрей внимательно наблюдал за ним. Потом они с Хильдебрандом вышли за дверь, оставив узника наедине с тишиной и его совестью. Ратлидж молчал, когда ключ снова заскрежетал в замке и Хильдебранд убрал его в шкафчик, но ему по-прежнему было душно, ему словно передались безнадежность, ужас и страх, оставшиеся за дверью.

– Беднягу даже жалко – если не видеть, что он натворил. – Хильдебранд ждал Ратлиджа с вежливым нетерпением, собираясь проводить его назад, в свой кабинет.

– Не спускайте с него глаз – он может покончить с собой, – сказал наконец Ратлидж. – Приставьте к нему охрану, констебля. Пусть его караулят днем и ночью...

– У меня и так не хватает людей... сейчас ведь приходится вести поиск детей...

– И тем не менее! Если он покончит с собой, скорее всего, вам так и не удастся найти детей! – Ратлидж зашагал вперед. Он чувствовал, что Хильдебранд, следующий за ним, возмущен до глубины души, но ему было все равно. Он больше ни минуты не мог оставаться в темном, душном и мрачном коридоре.

– Повторяю, я не умею творить чудеса! – настаивал Хильдебранд.

Ратлиджу приходилось вести войну на два фронта. Хэмиш язвительно напоминал ему, что у Моубрея нет такой роскоши, как возможность выбора – скорее всего, он уже не надеется когда-нибудь выйти на воздух и увидеть солнце. Ратлидж возразил: все признаки указывают на то, что Моубрей убил детей и выбор все-таки сделал сам.

– Если он покончит с собой, отвечать придется вам, – заметил он, когда Хильдебранд поравнялся с ним.

– Уж он от виселицы не уйдет, я об этом позабочусь! – сквозь зубы процедил Хильдебранд. – Ладно, уговорили. Приставлю к нему охрану.

Глава 3

Ратлидж снял номер в гостинице «Лебедь», на третьем этаже. Окна в номере выходили на главную улицу. Он поставил чемодан у высокого платяного шкафа, распахнул створки и невольно зажмурился от волны жаркого воздуха. Он открыл дверь, чтобы сквозняк немного разогнал полуденную жару.

Он стоял у окна и смотрел на улицу. Одним концом она упиралась в небольшую рощицу, другим – в старую рыночную площадь. По обочинам стояли телеги. Напротив гостиницы кого-то ждали два автомобиля; еще один только что отъехал и начал с рокотом подниматься в гору.

Состояние у Ратлиджа было подавленное. Даже Хэмиш молчал; ему нечего было сказать. Ратлиджа одолевали гнетущие мысли. Он обвинял себя в том, что никак не помог Моубрею. Даже наоборот, он позаботился о том, чтобы Моубрей благополучно дожил до виселицы. Еще неизвестно, что хуже...

Моубрей перенес страшную трагедию. Он не убийца по натуре. Возможно, он убил от удивления, потрясения и мгновенной, непреодолимой ярости. Правда, молодой женщине, погибшей от его рук, от этого не легче! Наверное, здесь все вздохнули бы с облегчением, если бы Моубрей сам вынес себе смертный приговор. Но закон запрещает самоубийство, и долг полиции – его предотвратить. И позволить бедняге мучиться, вспоминая о том, что он сделал, до тех пор, пока палач его величества законным образом не положит конец его страданиям.

Все бессмысленно! Ратлидж вздохнул и стал распаковывать вещи. В дверь постучали; вошла горничная с подносом.

– Вот, выпейте чаю, сэр. Сейчас уже поздно, и в столовой не накрыто, но у нас на кухне остались кексы и сэндвичи... – Она застенчиво улыбнулась.

– Спасибо... – Ратлидж бросил на горничную вопросительный взгляд, и она подсказала:

– Пег.

– Спасибо, Пег!

Девушка поставила поднос на стол и сняла салфетку. На блюдах лежали аппетитные с виду крошечные сэндвичи с яйцом и огурцом, мясные пироги и кексы с глазурью. Все казалось свежим. Очевидно, в гостинице «Лебедь» серьезно относились к питанию постояльцев.

Пег присела в реверансе и направилась к двери. Ратлидж остановил ее вопросом:

– В вашей гостинице часто останавливаются пассажиры, приезжающие двенадцатичасовым поездом?

– Нет, сэр, не часто. В основном те, кто ходит с двенадцатичасового, живут либо в самом городе, либо в соседних деревнях, где нет станции. Обычно у нас наплыв постояльцев в базарные дни, в такие, как сегодня, например. Или если тут проводится дознание. Или похороны, если покойник был человеком известным. – Пег поморщилась. – Знаете, я видела того человека, мистера Моубрея. Он ведь и к нам заходил узнать, не остановились ли у нас его жена и дети. Он ужасно злился. Чуть голову мне не откусил, когда я сказала, что мистер Снеллинг – это наш управляющий – разговаривает по телефону и не может выйти и поговорить с ним.

– А жену и детей Моубрея вы видели?

– Нет, сэр, они у нас не останавливались. Констебль Джеффрис показал мне их фотографию, но в тот день к обеду приходили только дети мистера Стейли, а уж их я знаю с рождения! Миссис Хайндс показалось, будто она видела миссис Моубрей на станции – она ходила встречать племянницу из Лондона. Но мисс Харриет всегда укачивает в поезде, и

миссис Хайндс так волновалась, что ее снова стошнит, что на других пассажиров она почти не обращала внимания. – Пег широко улыбнулась. – Мисс Харриет всегда тошнит. Наверное, ее желудок мстит ей за то, что приходится две недели жить с теткой!

Ратлидж тоже улыбнулся, и Пег вспомнила о своих обязанностях.

– Если вам больше ничего не нужно, сэр... – Она вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Ратлидж съел мясные пироги и два кекса, запив их горячим чаем, о чем тут же пожалел. Не переставая думать об убитой женщине, он повесил плащ на спинку стула, снова открыл дверь, чтобы обеспечить хоть какой-то приток воздуха, и распаковал вещи.

Покойница не жила в Синглтон-Магна. Будь она местной жительницей, ее бы сразу опознали все, и в первую очередь Хильдебранд. И в окрестных деревнях она тоже не жила, иначе кто-нибудь сразу опознал бы по фотографии ее или детей. Или приехал ее искать.

Непонятно, почему она вышла из поезда. То ли заметила в окне вагона Берта Моубрея, который изумленно смотрел на них, испугалась и решила бежать, то ли ехала с детьми и своим спутником не в Синглтон-Магна, а дальше на юг. Во втором случае... Интересно, как они рассчитывали добраться до места назначения после того, как вы шли из поезда?

Они заметили, что за ними наблюдают?

Если кто-то смотрит на тебя слишком пристально, обязательно почувствуешь. Может быть, ее мучило сознание вины? Интересно, что она сказала мужчине, который путешествовал с ней, когда они увидели Моубрея? «Там мой муж! Он думает, что я умерла!» А может, она обманула своего спутника? Сказала что угодно, лишь бы он ей поверил?

Кстати, насколько был осведомлен ее спутник? Может, он знал достаточно и сообразил: надо спешить и поскорее отделаться от Моубрея. Впрочем, возможно, он стал такой же пешкой в ее игре, как и сам Моубрей...

Может быть, спутник миссис Моубрей где-то по дороге узнал правду и решил, что бегство – не выход? Или он решил, что она сама должна разобраться со своим прошлым?

В голове множились догадки, одна интереснее другой, однако они оставались всего лишь догадками. Все станет понятно, когда найдутся остальные трупы...

* * *

К вечеру Ратлидж организовал широкомасштабные поиски. Он позвонил на все соседние станции и попросил тамошнюю полицию разыскать всех пассажиров, ехавших на поезде в один день с Моубреем. Возможно, кто-то из них заметил женщину с двумя детьми. Ратлидж позвонил и коллегам на побережье. Они совсем не обрадовались – курортный сезон был в разгаре, а им предстояло искать иголку в стоге сена. Хильдебранд уже разослал повсюду снимок миссис Моубрей с детьми, но их пока никто не узнал.

Ратлидж привлек к поискам сотрудников полиции из всех ближних городков и деревушек; он просил тамошних сержантов задействовать и местных жителей. Они отнеслись к его вежливой просьбе как к замаскированному приказу. Затем Ратлидж и Хильдебранд принялись изучать карту Синглтон-Магна и окрестностей, исчерканную линиями в тех местах, где поиски уже проводились. Ратлидж прочел доклады первых поисковых партий. Все они заканчивались одной фразой: «Поиски не принесли результата».

Хэмиш, на котором отражалась усталость Ратлиджа, заметил, что бесполезно снова и снова ходить по одним и тем же местам, но Ратлидж знал: иногда бывает полезно пройти и по собственным следам. То, что упустил один, может заметить другой. Гораздо труднее оказалось убедить в своей правоте Хильдебранда.

– Не понимаю, как он в таком состоянии мог вести себя столь хитроумно, – в который раз повторил Хильдебранд, швыряя карандаш на захламленный стол. – Ведь он в наших

краях новичок! Все как будто логично – и все же мы оказались в тупике! Не понимаю, почему мы до сих пор их не нашли.

– Не знаю, в самом ли деле он столь хитроумен, – задумчиво ответил Ратлидж. – Труп ребенка можно закопать посреди поля, под живой изгородью или за отвалившейся каменной кладкой... Сунуть в дупло дерева. Может быть, он сам уже не помнит, где и как похоронил детей... Но спрятать труп взрослого мужчины гораздо труднее!

– Что я только не делал! – ошетинился Хильдебранд. – Забирался на колокольни. Протыкал вилами стога сена. Прошел пять миль по шпалам в обе стороны... даже заглядывал в колодцы и каминные трубы!

– Вы очень изобретательны, – похвалил его Ратлидж, понимая, что должен как-то унять гнев местного инспектора. – Давайте попробуем пройти по его следам. Наверное, придется еще раз расспросить всех, к кому Моубрей обращался, записать время и нанести на карту его маршрут. Мы пойдем, куда он ходил, когда его никто не видел.

Хильдебранд нехотя согласился:

– Хорошо... опять придется просить подкрепление! Мне казалось, я ничего не упустил. Но, наверное, вы правы. Нам не помешает восстановить все его передвижения за два дня.

Он бросил на Ратлиджа оценивающий взгляд. Не суетится... и свое дело знает, тут не может быть никаких сомнений. Стремится проверить все до последней мелочи, что понятно – ведь и сам Хильдебранд славился своей дотошностью. Конечно, смысл в его предложении есть. На месте Ратлиджа он и сам поступил бы так же. Хорошо, что приезжий из Лондона не потребовал себе отдельный кабинет и сержанта в помощь. Сразу видно, он не командовать сюда приехал и не путаться у них под ногами. Он понимает, что здесь не его территория... Однако держится он как-то отстраненно. Такого не рискнешь в конце дня пригласить на кружку пива. И чувствуется в нем какая-то затаенная боль... Может, он еще не до конца оправился после военных ран? Вон какой тощий, и глаза усталые, затравленные...

Хильдебранд вздохнул. Здоровье приезжего – не его дело. Куда больше его заботит собственная репутация.

Ратлидж как будто не пытается совать нос в его дела, но ведь никогда не знаешь заранее. Хильдебранду уже рассказали о корнуолльском деле, которое раскрыл Ратлидж. Все начиналось вполне просто – и вот как обернулось! Что ж, в Скотленд-Ярде скоро поймут, что у них в Синглтон-Магна полиция свое дело знает.

С приезжим инспектором нужно для виду соглашаться, а поступать так, как сочтешь нужным. И надеяться, что в Лондоне хватает забот без того, чтобы решать, кто где главный.

«Будь осторожнее, старина!» – довольно спокойно предупредил Хэмиш.

Ратлидж кивнул, отвечая одновременно и Хэмишу, и Хильдебранду.

* * *

Вечером наконец повеяло свежестью. Ратлидж сел в автомобиль и поехал по дороге, ведущей к полю, где нашли тело миссис Моубрей. Косые лучи солнца, освещавшие западный край неба, золотили деревья, колокольни и крыши домов, придавая местности вид вечный и безмятежный.

Нужное место он нашел без труда. Пшеничное поле раскинулось на пологом склоне холма. Дорога как будто разрежала его пополам. На краю поля по ту сторону дороги виднелись заросли кустов. За ними Ратлидж увидел рощу и ручеек. Еще дальше виднелась высокая колокольня Синглтон-Магна. Городок отсюда совсем близко, если идти по прямой, а по дороге до него мили четыре.

Ратлидж остановился и вылез из автомобиля. Невдалеке он увидел развилку и старый указатель с названиями деревень, которых отсюда не было видно, потому что дорога поднималась в гору.

Любуясь золотым вечерним светом, он подумал: неплохое место для убийства. Очень тихое и уединенное. С другой стороны, именно поэтому... каким образом здесь оказались Моубрей и его жертва? Или они вместе пришли сюда откуда-то еще?

«Ты не получишь ответов от того бедняги, что сейчас сидит в тюремной камере, – напомнил ему Хэмиш. – У него с головой не все в порядке».

И Ратлидж согласился с Хэмишем.

Дело, такое на первый взгляд простое и близкое к раскрытию, могло закончиться полным провалом из-за того, что у них нет самого главного. Не найдено орудие убийства. Неизвестен мотив преступления. Кроме того, непонятно, как, когда и где оно было совершено.

«Да, – отозвался Хэмиш, – сломленного человека легко жалеть... Если только он не заклеймен как трус...»

Ратлидж поморщился и повернулся спиной к машине и лицом к полю. «Почему именно здесь?» – спросил он себя. Верно ли, что жена Моубрея бежала от него, а здесь он ее настиг? Случайной ли была их встреча?

Ну ладно... Откуда она бежала?

Чтобы найти детей, придется понять, откуда шла их мать и как Моубрей ее нашел.

Ратлидж не заметил поблизости ни одного убежища, где могла бы спрятаться испуганная, усталая женщина с двумя маленькими детьми.

Он попытался представить их себе: дети плачут, они устали и хотят пить. Мать изо всех сил старается их утешить и вместе с тем заставить замолчать. А мужчина – кто он ей? Муж? Любовник? Наверное, он нес девочку на руках, а мать вела за руку мальчика. Четыре мили... не слишком большое расстояние. Им, наверное, хотелось очутиться как можно дальше от Синглтон-Магна и от преследующего их человека. Неожиданно Ратлидж сообразил: беглецы не решались попросить проезжающих подвезти их. Они боялись заходить на окрестные фермы даже для того, чтобы попросить воды или дать отдохнуть детям. Они не хотели наводить Моубрея на свой след.

Моубрей нашел беглянку через два дня...

А если все было совсем не так? Интересно, где они собирались сойти с поезда? Может быть, они ехали на побережье или в любой городок между Дорсетом и побережьем. Или еще дальше – в Девон, даже в Корнуолл. Допустим, они ехали на юг или даже на юго-запад. Конечно, ни в чем нельзя быть уверенным, и все же... Допустим, беглецы вышли из Синглтон-Магна и отправились в ту же сторону, что и он сейчас. Где они провели предыдущую ночь?

Ратлидж набросил плащ на плечи и подошел к развилке с указателем.

Две стрелки показывали на юго-запад. Выцветшие буквы гласили: «Стоук-Ньютон» и «Ли-Минстер». Оттуда дорога, скорее всего, идет до побережья. Третья стрелка, с надписью «Чарлбери», показывала на северо-запад.

Ратлидж вернулся к полю, сплошь истоптанному сапогами поисковых партий, и зашагал к тому месту, где чернело уродливое пятно. На земле он заметил еще темные пятна. Они были почти незаметны, но он знал, что увидит их. Здесь умерла та женщина, а ее кровь впиталась в почву. И здесь ее бросили.

Он опустился на колени и долго смотрел на землю, пытаясь понять, о чем думала лежавшая здесь жертва. Хэмиш беспокойно ворочался у него в мозгу, но Ратлидж не обращал на него внимания.

Ее охватил страх. Она видела перед собой человека, жаждущего мести. Она знала, что умрет... возможно, она знала, что ее дети уже умерли или скоро умрут...

Просила ли она пощадить их? Что она ему обещала? Может быть, Моубрей хотел лишить ее чего-то еще, не только жизни? Или смерть для нее стала концом ужаса и страха – дверцей в тишину, куда до нее уже ушли дети?

Может быть, она спрятала их и спасла ценой собственной жизни? Она ведь понимала, что мертвые ничего не способны выдать и дети будут спасены... Она тянула время, надеясь, что дети успеют убежать в безопасное место.

Не потому ли убийца так зверски бил ее по лицу? Он пытался вырвать у нее правду, пытался заставить ее сказать, где те, кого он считал своей плотью и кровью...

Но земля молчала. Ратлидж тщетно пытался найти ответы в себе. Ему нужно было нечто подлинное и глубинное, способное показать ему дорогу к истине, но он ничего не чувствовал. Что бы ни привело женщину на край пропасти, какие бы чувства ни терзали ее, земля надежно хранила ее тайны.

В конце концов он встал и покачал головой. Невозможно понять, что именно здесь произошло.

«Во всем виноват я?» – спросил он. Хэмиш ответил утвердительно.

А что же думает сам Моубрей? Может быть, вместо убитой женщины попробовать понять мысли и чувства живого мужчины?

Здесь он убил ее... и бросил.

Почему? Почему не спрятал труп в пшенице, где его нашли бы только мыши-полевки и вороны? Зачем убийца бросил жертву совсем рядом с дорогой? Ведь не мог он не понимать, что фермер наверняка придет взглянуть на урожай, сразу увидит труп и поднимет тревогу?

«А он не думал ни о какой логике, – ответил Хэмиш. – Ему хотелось одного: отомстить. Он растерялся и разозлился».

– Да, – вслух согласился Ратлидж. – Он желал ей смерти, и ему было все равно, схватят его потом или нет. Когда его нашли, он мирно спал под деревом.

Со своего наблюдательного пункта он оглядывал пшеничные поля, деревья и колокольню вдаль. Ничто не привлекло его внимания. Он не заметил на горизонте ни сарая, ни амбара с просевшей крышей, ни заброшенной фермы. Может быть, беглецы прятались в роще? Она не рядом с дорогой...

Добрую четверть часа Ратлидж вел поиски среди деревьев, но вышел из рощи с пустыми руками. Он не нашел ничего: ни обертки от бутербродов, ни взрытой земли, ни чемоданов...

Чемоданы!

Никто не упомянул о том, что беглецы несли с собой багаж. Может быть, его оставили в поезде? Или они тащили багаж с собой, по жаре, по пыльной дороге? Вот над чем стоило подумать. Еще один вопрос без ответа...

Запыленный, вспотевший Ратлидж вернулся к машине, доехал до развилки и повернул влево, на юго-запад.

Вскоре он добрался до двух деревень. И в той и в другой дома лепились по обеим сторонам дороги, а за ними виднелись заливные луга и фермы. В каждой деревне Ратлидж первым делом разыскивал констебля и беседовал с ним. Первого он оторвал от позднего ужина, а второй, закатав рукава рубашки, сплетничал с соседом, облокотившись на садовую ограду. Впрочем, на его расспросы оба отвечали вполне охотно.

Ратлидж узнал, что инспектор Хильдебранд, будучи человеком дотошным, уже побывал здесь; ни в Ли-Минстере, ни в Стоук-Ньютон для него не осталось ничего нового. Чужих людей здесь в последнее время не видели, в чем его дружно уверяли оба констебля. Ратлидж им поверил. Деревенские полицейские показались ему спокойными и рассудительными. Видимо, они замечали все, что происходит на их участках. Никто не находил посреди поля или под живой изгородью ничейных, брошенных вещей. Очевидно, ни одна деревня не

была – вольно или невольно – причастна к трагедии, разыгравшейся в окрестностях Сингльтон-Магна.

Вернувшись в машину, наслаждаясь прохладным ветерком, Ратлидж привычно слушал голос, доносившийся как будто сзади. Он отчетливо слышал шепот Хэмиша, хотя умом понимал, что это шелестит тихий дорсетский ветерок.

«Не думаю, что он так далеко забрался. Он был уверен, что его жена еще в Сингльтон-Магна – ведь он целых два дня рыскал по городку и искал ее. Его многие видели. И когда за ним явилась полиция, он спал! Мы только одного не знаем: с чего он был так уверен, что найдет их именно там? Почему он считал, что местные жители прячут их от него?»

– Не знаю, – ответил Ратлидж. – В конце концов, он же нашел женщину неподалеку от Сингльтон-Магна. Настиг ее в поле, там же убил и бросил. Если только...

«Вот именно – если только! А если женщину убил ее спутник, понимая, что Моубрею нужна только она... он забрал детей и был таков».

Ратлидж задумался:

– Если он убил ее здесь, в поле, на глазах у детей, неужели ты думаешь, что он смог потом уговорить их идти с ним? Он совершил страшное, кровавое злодеяние. Жертва наверняка громко кричала, когда он ударил ее первый раз. Представь, как испугались дети! Они плакали, дергали его за пальто, за руки, пытались его остановить... а потом хотели остаться с матерью, потому что не понимали, что она умерла. А если женщина стала для ее спутника обузой, почему он убил ее одну? Почему не избавился и от детей – ведь они, в конце концов, не его? Нет, так мы ни до чего не додумаемся.

«Всю правду тебе расскажут только дети – живые или мертвые».

– Знаю, – ответил Ратлидж. – Где же нам их искать?

* * *

В Сингльтон-Магна он вернулся, когда уже почти стемнело, машину оставил во дворе за гостиницей. В его отсутствие к нему заходил Хильдебранд и оставил записку на бумаге с гербом «Лебеда»:

«Только что из Лондона в ответ на ваш запрос прислали дополнительные сведения о миссис Моубрей. Она родом из Херефорда. Родственников в Дорсете нет. Возможно, здесь жил, работал или имел родных ее спутник. Я навожу о нем справки».

Ответ пришел после телефонного звонка, который Ратлидж сделал в тот день. Он попросил сержанта Гибсона, которому доверял, разузнать о миссис Моубрей все, что только можно. Гибсон был человеком педантичным. Если кто-то и мог узнать что-нибудь о мертвой женщине, то только он. Жаль, что нельзя попросить Гибсона раздобыть сведения о неизвестном мужчине, ее спутнике!

Ратлидж не возлагал больших надежд и на Хильдебранда; он сомневался, что тому удастся хоть что-то выяснить, ведь им почти не с чего начинать. Возможно, пройдет не одна неделя, прежде чем они нападут на след мужчины, и то если он имеет какое-то отношение к Дорсету. Если же спутник жертвы родом из другой части Англии, на его поиски могут уйти годы.

«Если он успел убраться отсюда, его с детьми наверняка спрячут родные или друзья», – сказал Хэмиш, когда Ратлидж поднимался к себе в номер, перескакивая через две ступеньки.

– Очень может быть, – вслух согласился Ратлидж, забывшись. – Если только они не знают, что Моубрей сидит за решеткой.

«Но дети-то не его, – напомнил Хэмиш. – И их мать умерла. Если тот мужчина хочет их оставить...»

«...он будет сидеть тихо. Если бы он ни в чем не был замешан, он бы сразу отвел их в полицию. Да, мысль интересная, верно?» – мысленно ответил Ратлидж.

Снова дети...

Они не давали Ратлиджу покоя.

Глава 4

Спал Ратлидж плохо – и из-за жары и духоты, и из-за мыслей, теснивших у него в голове.

Образы мелькали и растворялись в тревожном калейдоскопе. Он видел Моубрея, сломленного, отчаявшегося, в тюремной камере... видел окровавленное тело его жены, лежащее на краю поля, в таком месте, где ее сразу же увидел фермер, приехавший осмотреть урожай... плачущих детей, которые зовут мать, и мужчину, который пытается их утешить, хотя он не их отец... Потом он отчетливо увидел виселицу и узника, который, возможно, даже не понимает, за что его собираются повесить.

Хэмиш, который, как всегда, чутко реагировал на его состояние, не уставал напоминать ему о совершенных им ошибках. Нельзя копаться в душе других людей, если у тебя самого на совести тяжкий грех. Он ведь тоже убийца. Они оба – убийцы!

– В основе дела лежит любовь, – произнес Ратлидж в темноте, стараясь заглушить голос Хэмиша в голове. Он тут же выругался, потому что слово «любовь» напомнило ему о Джин. Джин, в модном синем платье с бежевой кружевной отделкой, с букетиком, приколотым к плечу... Букетик подарил ей он, Ратлидж. Джин смеялась, занося руку с теннисной ракеткой; промахивалась, и мячик попадал в стенку. Он любовался солнечными зайчиками, которые плясали у нее на лице, когда они шли пешком по Оксфорду ранним воскресным утром, наслаждаясь тишиной и покоем.

Какая любовь лежит в основе всего? Любовь многолика, у нее столько имен! В нее вплетаются ревность, зависть, страх... Из-за любви умирают... и за нее убивают. Но любовь сама по себе не поддается определению, она вбирает в себя то, что испытывают отдельные люди. Любовь похожа на ярмарочного шута – она может прятаться за любым нарядом.

Где-то в городке, за окнами, слышались смех и музыка. Счастливый смех, несдержанный, не скованный.

Ратлидж внушал себе: когда Джин выйдет замуж и уедет в Оттаву, он сумеет наконец вычеркнуть ее из своих мыслей. Как почти вычеркнул ее из сердца. Оливия Марлоу¹ больше объяснила ему, что такое любовь, чем Джин за все время их знакомства.

«Кто научит меня, как забыть мою Фиону? – тихо спросил Хэмиш. – Ты-то никогда не вспоминаешь о ней! Ты не слышишь, как она плачет у пустой могилы! А я остался во Франции. Я не могу прийти к ней и утешить! Нет, Иену Ратлиджу не дано обрести счастье с женщиной, когда у него на совести Хэмиш Маклауд!»

Ратлидж повернул голову, желая отделаться от назойливого голоса. Все правильно. Какой женщине захочется делить мужа с терзающими его демонами?

* * *

Утром Ратлидж встретился с Хильдебрандом в столовой «Лебеда». Яркие занавески в цветочек на утреннем ветерке развевались, как паруса. Столы покрыты ослепительно-белыми скатертями. Ратлиджу показалось, что у Хильдебранда болит голова. Он то и дело тер глаза, словно не выспался, и мрачно смотрел на пожилую официантку, которая их обслуживала. Отходя от их столика, официантка бросила на Хильдебранда испепеляющий взгляд и сказала:

¹ См. «Крылья огня». (Здесь и далее примеч. пер.)

– Нечего так злиться с утра! Я вас еще мальчишкой помню – вечно чумазый, с рваными подтяжками!

Ратлидж с трудом подавил улыбку.

Хильдебранд ее словно не слышал.

– Вчера вечером начальник устроил мне выволочку! – проворчал он. – Спрашивает, почему мы до сих пор не нашли детей... их надо было найти уже вчера! По его словам, безумцы, которые рыщут по округе и убивают своих детей, бросают тень на весь Дорсет. Он приказывает нам раскрыть дело как можно скорее, иначе всем придется туго! Жаль, что вас вчера там не было – ваше присутствие его бы немного охладило!

– Я ездил на место убийства. Не представляю, где дети могли прятаться – или где их могли спрятать. Я все время возвращаюсь мыслями в Синглтон-Магна. Невольно поверишь, что кто-то из местных жителей хранит молчание – если, конечно, предположить, что дети и мужчина еще живы.

Хильдебранд мрачно посмотрел на Ратлиджа, а потом достал из кармана объявление о розыске и бросил ему на тарелку. Объявление упало на тост, который Ратлидж только что намазал апельсиновым джемом.

Ратлидж невозмутимо вытер лист бумаги салфеткой и спросил:

– Какой от него прок?

– Копию снимка раздали всем домовладельцам в городе и всем окрестным фермерам. Если бы кто-то их видел или что-то знал о них, давно бы уже явился к нам... Все очень логично! Если не родственники, знакомые или любопытная старуха, живущая по соседству, о них рассказал бы какой-нибудь мальчишка, которому захотелось отличиться. Неужели вам надо разжевывать элементарные вещи?

– Нет, – ответил Ратлидж, с трудом сдерживаясь. Он смотрел на объявление, на лица. – Согласен, вы действовали совершенно правильно, и ваши действия непременно должны были принести плоды. Но не принесли. И я все время спрашиваю себя, почему же никто не пришел к вам и не рассказал о них.

– Может быть, потому, – язвительно ответил Хильдебранд, – что они погибли! Все – и мужчина, и дети. Неслучайно все последние дни мы только тем и занимаемся, что ищем их трупы!

– В окрестностях Синглтон-Магна, куда можно добраться пешком, не так много укромных мест, где можно спрятаться. А если Моубрей настиг жену в поле у дороги, радиус поисков сужается еще больше. Мы должны искать их к западу, а не к востоку от Синглтон-Магна. Если бы он догнал ее на восточной окраине, ему пришлось бы тащить ее через весь город, что маловероятно.

– Мы уже все обыскали. Перевернули все камни, даже те, что не больше вашей тарелки, влезали на все деревья, прошли по всем речкам и ручьям, бродили по колено в воде! Не осталось ни одной стены, ни одного участка вспаханной земли, сарая, амбара, моста или другого укромного места, которое мы не обыскали бы не меньше трех раз. И сейчас все повторяем!

Значит, подумал Ратлидж, они исчезли. Как светящиеся гнилушки: чем ближе подходишь, тем дальше они оказываются.

Хэмиш что-то говорил, но Ратлидж его не слушал.

– Я ездил в Ли-Минстер и Стоук-Ньютон. Вы вели поиски и там?

– Да, потому что поезд, на котором они предположительно приехали, шел на юг.

– А другую дорогу вы не проверяли?

– До Чарлбери отсюда три мили. На всякий случай мы и туда съездили, поговорили с тамошним констеблем, но вернулись ни с чем. Я не удивился. Туда долго добираться мужчине и женщине, тем более с малыми детьми. Кроме того, Стоук-Ньютон ближе, чем

Чарлбери. Все очень логично. Если миссис Моубрей искала убежище, она наверняка отправилась к Стоук-Ньютон.

– А если она сама подумала о том же – и все же выбрала Чарлбери, чтобы сбить нас со следа?

Хильдебранд пожал плечами:

– Все возможно. Но вероятно ли? Нет. По-моему, вы хватаетесь за соломинки!

– В таком случае помогите мне разгадать еще одну загадку. Почему Моубрей был так уверен, что найдет ее здесь, в Синглтон-Магна?

– Я почти всю ночь не спал, думал о том же, что и вы. Вряд ли он в самом деле был уверен в том, что найдет ее именно здесь. В конце концов, он ведь увидел ее не в поезде, а на платформе. Присев на корточки, она утешала девочку. Они сошли с поезда до того, как он ее увидел, и, скорее всего, до того, как женщина увидела его. Скорее всего, он сказал себе: раз они здесь сошли, здесь они и собирались остаться. Вот почему он охотился за ней – и в конце концов нашел.

Так ли все было на самом деле? В таком случае понятно, почему не нашлись чемоданы. Ратлидж напомнил о них Хильдебранду, но тот покачал головой:

– Я тоже подумал об их вещах. Не один Моубрей сейчас остался без работы. Если кто-то нашел их багаж и поживился тем, что нашел, скорее всего, вор забрал чемоданы себе и будет держать язык за зубами?

Ратлидж почувствовал, как его придавливает тоска. Да и Хильдебранд, судя по всему, не радовался, вернувшись к тому, с чего начал. Он снова потер глаза и перевел разговор на помощников, которые прибыли утром. Он рассказал, куда он послал их на поиски.

– Мои подчиненные расспрашивают жителей города. Они знают, на что обращать внимание; к вечеру что-нибудь выяснится.

Когда они допили кофе, Ратлидж встал.

– У меня есть кое-какие дела... Вернусь к трем часам.

Хильдебранд вздохнул с облегчением. Если приезжий на время уберется из Синглтон-Магна, он не будет путаться у него под ногами. Задача Лондона – дипломатия; нельзя нарушать границы чужого прихода, где можно нечаянно наступить кому-нибудь на любимую мозоль. Если Ратлидж почти весь день будет занят, он сам может гораздо больше успеть.

Сухо кивнув, Хильдебранд вышел за дверь с видом человека, которого ждет трудный день. Ратлидж с задумчивым видом перечитал объявление о розыске и рассмотрел снимок.

К столику подошла пожилая официантка. Она заметила объявление и сказала:

– Жалость какая! А во всем виновата война. Из-за войны их семейная жизнь разладилась, а она вбила себе в голову разные мысли. Если честно, мне больше всего жалко малышей. Остались без отца... хотя мать могла быть и получше!

– Судя по всему, им она была хорошей матерью.

– Ну, не знаю! И все равно жаль. Помяните мои слова, во всем она виновата!

– Дети еще маленькие... Интересно, помнят ли дети Моубрея? – вдруг с любопытством спросил Ратлидж. – Сколько они себя помнили, он воевал во Франции. Может быть, они считают отцом того, кто его заменил?

– С чего вы взяли, что он был первым и единственным мужчиной, с которым она спуталась? – Официантка презрительно хмыкнула.

Очень хороший вопрос!

Составляя тарелки на поднос, официантка продолжала:

– Дети моей старшей дочери умерли во время эпидемии «испанки». Доктор сказал ей: они были слишком малы, чтобы выжить. Мне кажется, она ни одной ночи не спит с тех пор, как лишилась их... А эта свои прихоти ставила выше детей. По-моему, она не похожа на

хорошую мать! – Она потащила нагруженный поднос к двери, которая открывалась в обе стороны и вела на кухню. Шла она прямо, с негнувшейся спиной; поза выдавала ее боль.

«Слишком малы, чтобы выжить...»

Его война – изуродованные трупы и хлюпающая черная грязь. Невыносимый грохот – и невыносимая тишина. Артподготовка, пулеметы, аэропланы на бреющем полете. Умирующие люди, кони... их душераздирающие крики, которые не умолкали даже после того, как все прекратилось. Война на выбывание. Враги готовы были убивать до последнего человека. И собственное выживание, казалось, уже не зависело ни от каких молитв.

В Англии все было по-другому. «Испанка» косила людей в тылу, измученных голодом и лишениями, ошеломленных длинными списками убитых и раненых, изнуренных собственной беспомощностью, ожиданием и неуверенностью. Эпидемия убивала тысячами, миллионами, но поражала не только тех, кто сражался на передовой. Умирили молодые и старики, погибали крепкие и здоровые. Иногда эпидемия обходила слабых и умирающих. Многие дети остались сиротами, а матери...

Ратлидж остановился на середине зала и, круто развернувшись, оглянулся на дверь, ведущую в кухню.

«Слишком малы, чтобы выжить...»

Он посмотрел на объявление в руке. На него смотрели бледные детские личики.

Почему дети совсем не изменились с 1916 года? Моубрей описал их такими, какими они были на старом, выцветшем снимке. А ведь с тех пор прошло много времени. За три года дети наверняка выросли и изменились внешне. Может быть, Моубрей видел их только в своем воспаленном воображении?

Ничего удивительного, что на объявление никто не откликнулся!

«Но женщина погибла – она-то была настоящая», – сказал себе Ратлидж.

Где багаж? Где жертва пряталась больше суток – после того, как ушла со станции, и перед тем, как ее настиг убийца? Сколько лет пропавшим детям? Вопросы мучили Ратлиджа, не давая покоя. Ответов на них он не знал.

Если только бедняга, который сейчас сидит за решеткой, не убил совершенно постороннюю женщину и детей, которых он никогда раньше не видел!

Боже правый!

Ратлидж взбежал наверх, в свой номер, как будто спасался от ужаса. В номере он надел шляпу, задумчиво постоял посреди комнаты, обдумывая свои дальнейшие шаги, а затем снова спустился вниз, к своему автомобилю.

* * *

По пути на запад он увидел вдали небольшие группки мужчин, которые снова обыскивали местность, прочесывали ее частым гребнем, искали в тех местах, которые они уже обыскивали три или четыре раза. Склонив головы, они тыкали палками в листву, отгибали толстые ветки деревьев. Каждая группа двигалась по отведенному ей участку уверенно и не спеша. В поле, где нашли тело, все шевелилось. На краю поля, на лошади, сидел недовольный краснолицый мужчина – видимо, фермер. Ратлидж подумал было остановиться и поговорить с ним, но решил, что дело может подождать до тех пор, пока фермер немного не успокоится. У него созрел хороший урожай – и вот теперь все погибло! Фермер наверняка считает, что в его несчастьях виноваты полицейские – как местные, из Синглтон-Магна, так и приезжий из Лондона.

На развилке Ратлидж решительно повернул на северо-запад, к Чарлбери. Он ехал медленно, выискивая места, где можно было бы укрыться. Он нашел два полуразвалившихся

сарая и тщательно осмотрел их, но не нашел никаких следов. В сараях жили голуби и мыши. В пыли носилась мошкара.

Устало возвращаясь к машине, он услышал сзади рокот мотора. Кто-то ехал по той же дороге. Ратлидж остановился, накинул на плечи плащ, закатав рукава до локтей. Он пожалел, что не подумал прихватить с собой термос с чаем или водой. В горле у него пересохло.

Поравнявшись с ним, другой автомобиль замедлил ход. За рулем сидела женщина. Увидев ее лицо, Ратлидж сразу понял, что она не англичанка. Что-то неуловимое было в ее прическе, в шарфе, наброшенном поверх синего платья... Его сестра Франс сказала бы: «Стиль!»

Француженка...

– У вас что-то случилось? – спросила она с легким, приятным акцентом. Ратлидж ненадолго лишился дара речи.

Дело было не в красоте. Незнакомку нельзя было назвать красавицей. Речь шла о чем-то более тонком. Франс сказала бы: «Порода!» Врожденная чувственность в изгибе губ, в вопросительно поднятых бровях. Со вкусом подобранная одежда. Ярко-синий шарф, оттенком напоминающий цветное стекло, очень шел к ее серым глазам. Они казались то ясными, незамутненными родниками, то темными, бездонными омутами.

Он быстро ответил по-французски:

– Нет, я полицейский. Инспектор Ратлидж из Лондона. Я помогаю отыскать пропавших детей Моубрея.

Услышав его ответ, она едва заметно улыбнулась, удивляясь тому, что услышала родную речь на заброшенной проселочной дороге в сердце Дорсета. Смысл сказанного дошел до нее не сразу.

– А, дети! Очень печально, правда? Надеюсь, их найдут живыми. Но, знаете, время идет. У меня нет детей... – Она помолчала и чуть суше продолжала: – Наверное, детей жалко всем, независимо от того, есть они у кого-то или нет.

Ее мимолетная улыбка напомнила Ратлиджу солнечный лучик, неожиданно мелькнувший над морем. Почему такое создание оказалось в Англии? Ратлидж посмотрел на ее руки, лежащие на руле, и увидел обручальное кольцо. Все понятно. Муж...

– Да. – Он отошел от ее машины.

Она восприняла его жест как знак того, что беседа окончена, хотя Ратлидж вкладывал в него другой смысл.

– Желаю вам удачи... чтобы в конце концов дети нашлись живыми.

Машина тронулась с места; глядя ей вслед, Ратлидж выругал себя за то, что оказался таким косноязычным болваном. Он даже не спросил у незнакомки, как ее зовут и где она живет. И, кстати, как она оказалась на той самой дороге, по которой шли беглецы и их преследователь. Может быть, ей известны такие укромные места неподалеку, где стражи порядка не додумались искать...

«Она сама здесь чужая, – напомнил ему Хэмиш. – Вряд ли она знает что-то такое, до чего полицейские еще не додумались».

Ратлидж склонен был согласиться с Хэмишем. Рокот ее мотора стих вдаль. Она уехала.

«От такой женщины ничего, кроме неприятностей! – добавил Хэмиш после того, как Ратлидж завел машину и сел за руль. – Не впутывай ты сюда еще и ее».

Ратлидж невольно усмехнулся. Но он еще долго вспоминал ее мягкую, обласканную солнцем кожу и темную прядку волос, прильнувшую к щеке. Почему француженки так умеют будоражить мужчин, независимо от того, красивы они или нет? У большинства из них это врожденное; вот почему француженок можно узнать с первого взгляда.

Он пошел осматривать полуразвалившийся сарай с просевшей крышей и вздрогнул от неожиданности, спугнув самку ястреба-перепелятника. Она спикировала на него сверху

– видимо, защищала птенцов. Ратлидж услышал мягкий шелест крыльев. Потом птица вернулась наверх, на балки, где у нее было гнездо. На земле отпечатались следы подкованных сапог – значит, поисковые отряды уже побывали здесь.

Ратлидж не очень надеялся что-то найти, а сюда зашел на всякий случай. Полицейскому требуется терпение. И надежда?

Добравшись до окраины Чарлбери – дома здесь стояли вдоль дороги, нанизанные на нее, как бусины, – он остановился, чтобы все обдумать.

Перед ним самая обычная деревня. Дома стоят по обеим сторонам дороги, друг напротив друга, а на дальнем конце – каменная церковь. Ратлидж увидел и общественный выгон с прудом, в котором плавали белые гуси, похожие на фрегаты; они разглядывали свои отражения в воде. Кроме того, в Чарлбери имелись гостиница и несколько лавок. На склоне холма, за фермой, поблескивала на солнце соломенная крыша какого-то круглого строения. Оно казалось в Чарлбери чужеродным; видимо, появилось здесь по воле случая.

Почти все строения были маленькими, но дома между выгоном и церковью выглядели выше и ухоженнее. Ратлидж решил, что там, скорее всего, живут состоятельные фермеры. В отдалении от дороги стоял самый большой дом под шиферной крышей. С одной стороны к нему недавно пристроили целое крыло. Дом окружал красивый сад за низкой каменной оградой с калиткой. На улице никого не было; Ратлидж решил, что местные жители копаются на задних дворах или работают на фермах. Один лавочник мыл витрину; чуть дальше мальчик присел на корточки у скамейки и дразнил кошку бечевкой. Кошка лениво хватала бечевку за конец – видимо, ей куда больше хотелось мирно вздремнуть на солнышке. Заметив, что Ратлидж на него смотрит, мальчик бросил кошку и побежал к пруду. На бегу он врезался в мужчину, выходящего из маленькой пекарни; тот согнулся пополам от неожиданности и с чувством обругал мальчишку. Слова далеко разносились в тишине, но на малолетнего хулигана не подействовали: вскоре он принялся швырять палочки в гусей на пруду. Из соседней лавки вышла женщина с корзинкой в руке. Она окликнула мальчика, и он нехотя подошел к ней и зашагал рядом. Его пронзительный голос эхом отдавался от воды; он громко спрашивал, в чем дело. Ратлидж невольно улыбнулся. Наверное, он местный сорванец.

Потом он заметил, что мужчина, в которого врезался мальчик, по-прежнему стоит у стены пекарни, и похоже было, что ему больно. Наконец он осторожно выпрямился и зашагал дальше. Из кузницы вырвалось облако черного дыма – там раздували мехи. Откуда-то послышалось мычание.

Ратлидж первым делом отправился к небольшому каменному дому с соломенной крышей, где, судя по вывеске, проживал местный констебль. На его стук никто не открыл. Ратлидж достал часы. Наверное, констебль сейчас обходит участок.

Он вернулся к гостинице и оставил там машину. Гостиница была старая, каменная, с аккуратной соломенной крышей, нависавшей над мансардными окнами, как толстое одеяло, расположилась удобно – там, где улица делала плавный поворот к выгону. В палисаднике стоял деревянный столб, увитый до половины цветущим виноградом. Наверху была укреплена доска, на которой изображался дородный пожилой джентльмен в сюртуке и с эдвардианскими бакенбардами. Он стоял с поднятой рукой, как будто произносил речь. Над его головой красовалось название, выведенное золочеными буквами: «Герб Уайета».

Уайет? Фамилия показалась Ратлиджу знакомой, но он не мог вспомнить, где ее слышал.

Из бара вышли два фермера; они придержали для него дверь, кивнув ему по деревенскому обычаю. Внутри зал был обит мореным дубом. Ратлидж едва не налетел на стул, прежде чем его глаза привыкли к мрачной обстановке. В противоположной стене он заметил еще одну дверь и, пройдя по узкому коридору, очутился в комнате, которая выходила на ухо-

женный садик, где под полосатым тентом стояли столики. За столиками сидели женщины; они внимательно слушали худощавого пожилого оратора, который что-то читал по бумажке.

Ратлидж остановился.

– Дамам там нравится больше, чем в салоне, если погода хорошая, – произнес голос сбоку. Из темноты вынырнул здоровяк в белом переднике и жестом показал в сторону садика. – Сейчас там проходит собрание Женского института². Дамы часто в хорошую погоду пьют чай на террасе. Чем я могу вам помочь, сэр?

Дама средних лет – изящная, хотя и полная, темноволосая, с необычной седой прядью, которая шла от виска к пучку на затылке, – задала оратору какой-то вопрос. Оратор ответил ей и продолжал читать по бумажке.

Отвернувшись от окна, Ратлидж сказал:

– Думаю выпить кружечку пива. Вы не составите мне компанию?

И бар, и зал были пусты, и владелец дружелюбно ответил:

– Не возражаю. Спасибо, сэр.

Ратлидж подсел к тяжелой деревянной стойке – черной, как стены и балки. Табурет, на котором он сидел, был вытерт до блеска; на нем сидело не одно поколение завсегдатаев. Хозяин зажег лампу сбоку от зеркала, и в зале сразу стало уютнее. Медные детали блестели, как золотые.

– Проезжаете мимо? – осведомился владелец гостиницы, ставя перед Ратлиджем на стойку кружку с пивом.

– Я остановился в Синглтон-Магна, – уклончиво ответил Ратлидж. – Со вчерашнего дня осматриваю окрестности.

– Ну и что там у вас говорят об убийствах? – спросил хозяин гостиницы с таким видом, будто Синглтон-Магна находился на том берегу Ла-Манша, где-нибудь рядом с Парижем, куда новости доходили с большим трудом. – Страшное дело... – Сам того не зная, он повторил слова официантки из «Лебеда». Он придвинул к себе вторую кружку и отпил большой глоток, одобрительно крикнув. Видимо, отдавал должное своему пиву.

– Виновного посадили за решетку... Вы, наверное, знаете. А детей так и не нашли. Они... я имею в виду, та семья... не добивались до Чарлбери?

– Нет, у нас здесь проезжающих мало. Не так, как раньше. Во всяком случае, после войны. Я вижу чужаков один или два раза в месяц, не чаще.

– А до войны у вас, значит, было больше гостей? Почему?

– Многие приезжали из-за Уайетов. Старый мистер Уайет почти сорок лет был членом парламента. Вот люди и интересовались... В молодости мистер Уайет был настоящим франтом. Говорят, в Лондоне его любили так же, как и здесь. Мистер Саймон был из того же теста. Мистер Уайет всю жизнь представлял наш избирательный округ, и мы, жители Чарлбери... да и многие в Дорсете... равнялись на него.

Ратлидж вспомнил, почему вывеска показалась ему такой знакомой. Три поколения Уайетов были членами парламента. Как Черчилли и Питты. Долгие годы на государственной службе, признанные ораторы.

– Кажется, мистер Уайет уже умер?

– Да, в последний год войны. Хотел дождаться того дня, когда сын займет его место, и прожил на три года дольше, чем все думали. И все без толку. – Глаза владельца затуманились, как будто тема была исчерпана.

Ратлидж сделал вид, что не заметил.

– Его сына убили на войне? – спросил он, поддерживая светскую беседу. Он заметил, как хозяин «Герба» изменился в лице.

² Женский институт – организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности.

– Нет, Саймон Уайет прошел всю войну без единой царапины. Зато совсем охладел к политике.

Ратлидж понял, что тема его собеседнику неприятна, и поспешил заговорить о другом:

– Значит, после того, как ваши связи с Вестминстером прервались, Чарлбери снова стал тихим городком?

Владелец поморщился:

– На первый взгляд вроде и незаметно. – Он поставил пиво и посмотрел в сад. – На свете немало странных людей... Взять хоть деда Саймона Уайета по материнской линии. Он рано овдовел и с тех пор никак не мог успокоиться; ферму забросил, да и все остальное тоже. Захотелось ему повидать мир. Он отправился путешествовать, а домой присылал ящики с разными диковинками, которые он собирал по всему свету, – чучелами птиц, всякими статуями и прочими безделушками. Собирался устроить здесь музей, хотя кому нужно смотреть на его приобретения, я вас спрашиваю?

– Да, такие диковинки нравятся не всем, – согласился Ратлидж. – Еще в Лондоне на них, может быть, и был бы спрос...

– А он-то хотел устроить музей здесь, в Чарлбери, – ответил владелец гостиницы.

– Мистер Дентон! – послышался голос из кладовки за кухней.

– Да, сейчас приду! – крикнул собеседник Ратлиджа, обернувшись через плечо.

– Так мне нести еще бочку?

– Поставь к другим, Сэм. Я потом разберусь. – Владелец виновато улыбнулся. – Еще что-нибудь хотите, сэр? Понимаете, сегодня привезли свежее пиво. Если я не успею, а Сэм найдет открытую бочку, он непременно напьется в стельку. Вот старый дурень! В наши дни так трудно найти помощников. Если нет работы на фермах, молодежь уезжает в Лондон или в любое место, где можно устроиться. Если бы Сэм так хорошо не управлялся с лошадьми, я бы его много лет назад выставил.

Ратлидж допил пиво, поблагодарил Дентона и вышел на улицу. На скамье у входа в «Герб» сидел человек, которого Ратлидж видел раньше, – в него врезался мальчишка. Незнакомец был бледен; лицо его покрывала испарина.

– Вам плохо? – спросил Ратлидж. – Я видел, что случилось.

– Паршивец! Мать ничего не может с ним поделать. Ему нужна мужская твердая рука. Желательно с ремнем. – Собеседник Ратлиджа откашлялся и продолжал: – Да нет, ничего со мной не случилось. Не хуже, чем всегда.

Услышав его выговор, Ратлидж спросил:

– Вы, случайно, не канадец?

– Жил там какое-то время. В провинции Альберта. Ну и красивая же страна! Вы там бывали?

– Нет, к сожалению, – ответил Ратлидж. – Зато я был знаком со многими канадцами на фронте.

Мужчина протянул руку, и Ратлидж ее пожал.

– Моя фамилия Шоу. А вы не из Дорсета?

– Ратлидж. Я из Лондона.

– Терпеть его не могу. Народу много, дома старые, на улицах грязь. Там невозможно дышать.

– Да. – Ратлидж понимал, что имеет в виду Шоу. – У вас здесь родственники? – спросил он, надеясь разузнать что-нибудь у нового знакомого о Моубреях.

– Я племянник Дентона. После того как меня выписали из госпиталя, он взял меня под свое крыло. Врачи пока не отпускают меня назад в Альберту, и я еще не решил, что делать дальше. – Шоу поморщился. Видимо, он не привык рассказывать о себе незнакомым людям.

И не хотел наживать дурную привычку... – Извините! Обычно я не такой болтливый. А все из-за проклятого мальчишки!

– Да я и не против. Уж лучше говорить, чем принимать лекарства, которые в госпиталях назначают от боли.

– Точно! – Шоу встал и глубоко вдохнул. – Пилюли все равно действуют недолго, – продолжал он уже не с таким измученным видом. – Спасибо, что не осуждаете меня.

Ратлидж кивнул; Шоу толкнул дверь и вошел в бар. Он как будто боялся, что, если останется, ему придется признаться в чем-нибудь еще, чего ему делать не хотелось.

Глава 5

Ратлидж пошел было к машине, но потом передумал. Он вернулся к дому констебля и несколько раз постучал. Ему снова никто не открыл.

Женщина, которая деловито подметала дорожку у соседнего дома, прикрыла глаза от солнца и сказала:

- Если вам нужен констебль Трут, его нет дома.
- Вы не знаете, где его можно найти?
- Вы по делу или что-то случилось?
- Я хотел спросить его, как выращивать кабачки, – усмехнулся Ратлидж.

Соседка ухмыльнулась. Видимо, она нисколько не обиделась:

– До вечера он вряд ли вернется. Видите ли, наш констебль пока не женат, ну и не пропускает ни одной юбки!

– Значит, он часто не бывает дома? – с любопытством спросил Ратлидж.

– Его чаще можно найти там, где бывает дочка миссис Дарли. Ох, боюсь, водит она его за нос! А сама хочет выйти за Дэнни Маркера. Дэнни работает в Ли-Минстере, а в Чарлбери приезжает только по выходным.

Ратлидж понял, что соседка констебля – прирожденная сплетница...

– Я хотел поговорить с Трутом о том дне, когда рядом с Синглтон-Магна убили женщину. Вот интересно, не видели ли тогда в Чарлбери посторонних людей?

Соседка склонила голову набок и окинула его внимательным взглядом:

- Вы, случайно, не из лондонских газет будете?
- Нет, – словно извиняясь, ответил Ратлидж.

Соседка вздохнула:

– Так я и подумала. Должно быть, вы тот самый лондонский полицейский, которого ждали в Синглтон-Магна. – Она подождала, пока Ратлидж не представился. – К Уайетам приезжала гостя. Но ее привезли на машине. А пешком сюда никто не приходил, тем более женщина с детьми, я ведь понимаю, кто вас интересуется. Для малышей такой путь неблизкий. Понимаете, о чем я? – Она не дала ему ответить. Ратлидж понял: хочет он того или нет, он узнает, что она думает о происходящем. – Их наверняка зарыли на кладбище. Где лучше всего можно спрятать трупы? Конечно, в свежей могиле.

– В Чарлбери недавно кто-то умер? – спросил Ратлидж, невольно удивляясь нездоровой радости соседки.

– Нет, – разочарованно вздохнула его собеседница. – Одна горничная пропала, но ее вряд ли убили. Миссис Багли говорит: нахалка она была, и хорошо, что пропала.

– Давно она пропала?

– Скоро пять месяцев... нет, уже полгода, – нехотя призналась соседка констебля. – Мне тоже показывали бумагу с фотографией той женщины и детей. Констебль Трут всем такие раздавал. У Бетти волосы были темнее, совсем она на ту женщину не похожа. И потом, она не была замужем, и детей у нее тоже не было. По крайней мере, мы ни о каких детях не знали! Правда, она была хорошенькой и хотела устроиться в жизни получше. Надоело ей, наверное, мыть полы да вытирать пыль... По-моему, она подалась в Лондон. Искать на свою шею неприятностей.

Ратлидж поблагодарил соседку и собрался уходить.

– Приезжайте к нам через месяц – тогда как раз музей откроется, – сказала она ему вслед. Ей хотелось привлечь его внимание. – И прием будет. Может быть, из Лондона приедут важные гости, правда, я сомневаюсь. Мистер Уайет уже умер. Какой смысл? Разве что

из любопытства. Кому интересно разглядывать языческие статуи и чучела птиц? Я вас спрашиваю!

Краем глаза Ратлидж заметил, что у кладбища, под деревьями, кто-то стоит и смотрит на него.

– А вдруг...

Соседка хрипло хохотнула – как будто ворона каркнула:

– Нет! Быть того не может!

В последний раз махнув метлой, она скрылась за дверью своего дома. Решила, что последнее слово осталось за ней? И вытянула из него достаточно, чтобы поделиться с соседкой напротив?

Констебль Трут наверняка узнает о приходе Ратлиджа раньше, чем повернет ручку своей двери.

После долгого молчания ожил Хэмиш.

«Если здешний констебль только и делает, что бегают за юбками, он вряд ли заметил что-то важное», – сказал он.

«Зато его соседка заметит все, что нужно, не сомневайся», – мысленно ответил Ратлидж, медленно идя по улице и разглядывая Чарлбери. Как и во многих деревнях, здешние жители предпочитали заниматься своими делами и в чужие нос не совали. Да и весь Дорсет в ходе истории не отличался бурными событиями. Казалось, его жители довольны тем, что все идет как идет.

Рядом с церковью стоял крошечный дом священника; в палисаднике под окнами все цвело, а дорожка, ведущая к дому, была тщательно выметена. Ратлидж остановился, как будто любясь, и покосился в сторону кладбища.

Стоявший под деревьями человек никуда не ушел. Ратлидж направился к нему. Ему показалось, что здешняя церковь выстроена в норманнском стиле. Его предположение подтверждала усеченная колокольня. Как будто строители неизвестно почему бросили работу и ушли. Скругленная апсида, узкие окна в толстых стенах... Внутри наверняка темно. Ни изящества, ни симметрии, только утверждение силы и мощи. В прежние времена такие церкви часто служили крепостями, если поблизости не было замков...

Краем глаза он следил за человеком, стоящим среди раскидистых деревьев. Относительно высокий, стройный... молодой. На лицо падает тень. Он что-то держит в сложенных ладонях...

Холодок пробежал у Ратлиджа по спине. Он разглядел, что незнакомец держит в руках птицу.

Обернувшись к нему, он крикнул:

– Вы знаете, когда построили эту церковь?

– Да, знаю, – ответил тот, выходя из-под деревьев на свет. – Это церковь ранненорманнского периода с поздними пристройками. Никто не позаботился о том, чтобы перестроить ее в соответствии с более поздними стилями. Поэтому за шестьсот лет она почти не изменилась. – Собеседник Ратлиджа говорил механически; наверное, его часто спрашивали про церковь и он повторял заученные фразы. Он показал Ратлиджу птицу, которая билась в его руках. – Залетела в церковное окно и ударилась. Если бы я не подоспел, ее бы съела кошка! – Он осторожно разжал пальцы; через миг освобожденная птица взмахнула крыльями и взлетела на ближайшее дерево. Незнакомец улыбнулся Ратлиджу. У него были широко расставленные голубые невинные глаза.

Лицо незнакомца обезображивал ужасный шрам, который начинался от переносицы и шел по лбу к виску. Рубец порос светлыми волосами, жесткими и щетинистыми.

– На фронте? – спросил Ратлидж тихо.

Его собеседник кивнул:

– Все спрашивают одно и то же... Разве я похож на солдата? – спросил мужчина серьезно, задумчиво.

– Да, – не сразу ответил Ратлидж. – У вас хорошая выправка.

Незнакомец горделиво улыбнулся:

– Да, выправка у меня хорошая, верно.

– Мне пора, – сказал Ратлидж. – Спасибо, что рассказали про церковь.

– Мой отец всю жизнь был здесь приходским священником, – сказал незнакомец Ратлиджу вслед. – Он умер от «испанки». Я знаю в церкви все уголки. Такие места знаю, которые не нашел даже он!

Ратлидж обернулся, посмотрел в открытое лицо и вдруг подумал о пропавших детях. Ему показалось, что слова его собеседника лишены двойного смысла. Он просто с простодушным самодовольством констатировал факт: хоть в чем-то он превзошел своего отца.

Идя к гостинице, Ратлидж чувствовал на себе взгляд странного молодого человека. Хэмиш смущенно пробурчал:

«Его не назовешь дурачком... но голова у него не варит. На твоём месте я бы не очень ему верил».

«Он выпустил птицу, – напомнил Хэмишу Ратлидж. – По-моему, такой не способен обидеть детей. Хотя, возможно, его убедили их спрятать...»

Проходя мимо самого большого в Чарлбери дома с пристроенным крылом, он услышал женский голос. Она звала мужчину по имени. Тот раздраженно отозвался:

– Нет, сейчас не приставай ко мне! Мне некогда!

Вскоре из-за угла показался владелец голоса в грязном комбинезоне. Одной рукой он держал стремянку. Он куда больше походил на подсобного рабочего, чем его помощник, который поддерживал стремянку с другого конца. Однако светлые волосы и светлая кожа, покрасневшая от жары, выдавали его. Он не привык заниматься тяжелым трудом на свежем воздухе. Человек прислонил стремянку к стене и крикнул:

– Нет, пусти меня первого! Это сэкономит время!

Он принялся взбираться по ступенькам. Ловкость свидетельствовала о большом опыте.

«Дом Уайетов? – спросил себя Ратлидж. – Только в нем хватит места для музея, пусть даже и крошечного».

Из галантерейной лавки быстро вышла женщина; она передала небольшую коробку другой женщине, помоложе, которая толкала коляску. Они вдвоем проводили Ратлиджа взглядами и начали негромко переговариваться. Весть о его прибытии быстро распространилась по деревне. В таких местах событий мало, и любые сплетни и слухи разносятся будто ветром.

Интересно, почему здесь не ходят слухи о детях Моубрея?

Ответить на последний вопрос не мог даже Хэмиш.

Ратлидж сел в машину. На окраине Чарлбери он встретил местного констебля – крепкого молодого мужчину с рыжеватыми волосами. Его жесткий форменный воротник был расстегнут от жары.

Остановившись у обочины, Ратлидж подождал его. Констебль подошел к машине и обратился к нему довольно высокомерно:

– Чего-то хотите, сэр? – Он довольно бесцеремонно оглядел Ратлиджа с головы до ног. Хэмиш недовольно заворчал; и он дал меткую характеристику и самому констеблю, и его предкам так, как это принято в горах Шотландии.

– Инспектор Ратлидж из Лондона. Я искал вас, Трут! – сухо ответил Ратлидж. Констебль прищурился, но и только. – Я объезжаю местность между Чарлбери и Сингльтон-Магна, стараюсь отыскать любые улики.

– Здесь вы ничего не найдете, – ответил Трут. – Насколько мне известно, сюда жена Моубрея не добиралась. И самого обвиняемого, Моубрея, мы здесь не видели. Да он бы и не успел так далеко зайти, верно? Тем более по жаре. А уж дети вряд ли выдержали бы такой путь, о чем он наверняка знал. И потом, у нас в Чарлбери не так много чужаков, особенно этим летом. А у Моубрея здесь нет ни родных, ни знакомых – я опросил наших. На всякий случай я заходил во все дома, хотя точно знаю, что он не местный.

Ратлидж подумал: трудно что-то найти, если заранее уверен в том, что этого не существует в природе.

Полицейскому несложно прийти к неверному выводу, если все улики как будто указывают в одном направлении. Часто все подтверждается. Но если речь заходит об убийстве, клубок характеров и тайн иногда может увести следствие в любую сторону – или указывать в десять мест одновременно. Если полицейский заранее не готов рассматривать вместе с очевидными версиями самые невероятные, грош ему цена!

– Может быть, их кто-то подвез. На телеге или в двуколке. Или в автомобиле.

– Если кто их и подвез, то не из местных. – Констебль нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Говорил он без выражения, как будто обращался к дураку. – И потом, если их подвезли, значит, они сейчас уже очень далеко от Чарлбери. С чего им заходить сюда, если они без труда могли уехать хоть до самой границы с Сомерсетом?

– Не на крыльях же они летели! Если их даже подвезли, как они добрались, куда хотели, минуя Чарлбери или Стоук-Ньютон? Особенно если их подвозил кто-то из окрестных фермеров! Он не мог проехать по деревне в своей телеге, чтобы его никто не видел!

– Через Чарлбери проезжает много подвод и двуколок, – признал Трут. – Только без пассажиров! Я и об этом поспрашивал. Никто из наших не подвозил женщину или мужчину с детьми, которые шли из Синглтон-Магна.

– Тогда почему мы так и не нашли другие трупы? – спросил Ратлидж, и не думая хвалить констебля за усердие. На телеге или в двуколке можно спрятать нескольких человек, тем более – маленьких детей...

Трут обиделся. Лицо его покрылось густым румянцем.

– Такие вопросы вам лучше обсуждать с инспектором Хильдебрандом, сэр. Не мое дело отвечать за него!

«Умываешь руки?» – подумал Ратлидж.

– Вы, конечно, правы, – произнес он вслух, понимая, что спорить сейчас бессмысленно.

Но по пути они с Хэмишем вступили в продолжительную дискуссию о способностях констебля Трута и его отношении к делу. Хэмиш не скрывал, что проникся к констеблю резкой неприязнью.

Вся цепь не лучше, чем ее слабое звено. А в цепи деревушек, которые стоят на том пути, который проделали Моубреи, слабым звеном оказалось Чарлбери. Констебли в двух других деревнях держались вежливо и деловито. Они знали себе цену, но не важничали.

Поразмыслив, Ратлидж решил вернуться в Чарлбери. В глубине души крепко нечто неясное, непостижимое. Чутье? Даже Хэмиш что-то почувствовал, хотя сказал только: «Ты мутишь воду, но не успокоишься, пока все не поймешь!»

«На Трута нельзя положиться, – ответил Ратлидж. – Он скажет все что угодно, лишь бы ему не пришлось перетруждаться. Он уверен, что у Моубреев нет знакомых в Чарлбери. Может быть, он прав. А если он ошибается?»

«Да, от этого никуда не деться, – согласился Хэмиш. – До тех пор, пока кто-нибудь не найдет ребятишек!»

Глава 6

Вернувшись в Синглтон-Магна, Ратлидж отправился в полицейский участок, но ему сказали, что Хильдебранд ушел на обед. Чтобы не ждать в мрачных душных помещениях, он спросил, нельзя ли ему еще раз поговорить с Моубреем.

Дежурный констебль, понимая, что должен, как канатоходец, балансировать между приезжим из Лондона и инспектором Хильдебрандом, покраснел и думал целых две секунды. Ратлидж прекрасно понимал, в чем дело. Констебль видел перед собой командира, с военной выправкой, который, судя по всему, привык к тому, что его приказы исполняются. Ратлидж не сомневался, что констебль проявит благоразумие. Так и вышло. Он предложил лично проводить Ратлиджа в камеру.

В камере с Моубреем они застали еще одного констебля, ужасно худого, похожего на чахоточного в последней стадии. Но голос у него был сильный и глубокий. Встав, он вежливо обратился к Ратлиджу:

– Он почти все время молчит, сэр. Сидит и смотрит в одну точку. Или плачет. Это хуже всего. Слезы катятся по лицу, а он не издает ни звука...

– Иди покури, – велел ему первый констебль, и охранник сразу вышел. Его походка говорила о многом. – Мы сменяемся каждые два часа, – понизив голос, объяснил он. – Иначе тут начнется бунт. Охранять такого заключенного – не самое простое задание.

– Да. – Ратлидж повернулся к Моубрею и негромко, но решительно заговорил: – Мистер Моубрей! Я инспектор Ратлидж из Лондона.

Опущенная голова взметнулась вверх. Ратлидж увидел искаженное ужасом лицо.

– Значит, вы нашли их? – еле слышно спросил Моубрей. – Они... погибли?

– Нет, мы их не нашли. И вот о чем я хочу вас спросить... Трудно искать тех, кого мы никогда не видели. Пожалуйста, опишите своих детей. Вспомните, как они выглядели, когда вы увидели их на станции.

Моубрей покачал головой:

– Нет, прошу вас, не надо... я не могу... просто не могу!

– Нам очень важно знать, как они выглядели, – не сдавался Ратлидж. – Вам показалось, что они здоровы и веселы... или болезненные, запуганные?

Моубрей зажал уши ладонями и стал раскачиваться из стороны в сторону.

– Нет! Не надо! Пожалуйста, не надо!

Ратлидж был безжалостен. Дело необходимо сделать.

– Дети растут быстро. Как по-вашему, ваша Мэри была хорошей матерью? Она заботилась о детях? Они хорошо питались? А может быть, она пренебрегала ими, дети росли худые, бледные...

Моубрей снова вскинул голову; глаза, полные слез, полыхнули гневом.

– Она хорошая мать и всегда была хорошей матерью! Ничего не желаю слышать против моей Мэри!

– Должно быть, ее вы узнали без труда... и детей тоже? Девочка, должно быть, вытянулась, как тростинка, – в таком возрасте, как у нее, это часто случается...

Упорство не помогло Ратлиджу. Моубрей судорожно втянул в себя воздух и вскинул руки вверх, как будто отражал удары.

– Говорю вам, я не мог их обидеть... они живы! Я любил их... хотел их растить... Ради всего святого, я любил их!

Ратлидж коснулся плеча узника, стараясь не смотреть в его глаза, которые видели перед собой ад.

«Как глаза Хэмиша, если вдруг обернуться и заглянуть в них...»

Хрипло и часто дыша, Ратлидж вышел из камеры. Мысли у него в голове путались. Констебль шагнул было на порог, где остановился.

– Надо же, при вас он разговаривался... а я никак не мог его заставить!

– Ни к чему хорошему это не привело! Вы идете?

– Я должен подождать, пока вернется Хиндли, – ответил дежурный констебль. – Если не возражаете...

– Конечно. Я сам найду дорогу. – Ратлидж прошел по коридору, слушая свое хриплое дыхание. На крыльце он столкнулся с Хильдебрандом.

– Вид у вас такой, словно вы привидение увидели, – заметил Хильдебранд, пристально глядя на Ратлиджа. – Что случилось?

«Я туда не вернусь! Во всяком случае, сейчас!» – сказал себе Ратлидж, а вслух ответил:

– Ничего не случилось. Но я хочу поговорить с вами там, где нас никто не услышит. Может быть, прогуляемся до станции?

Недовольный, распаренный, Хильдебранд еле поспевал за быстро шагающим Ратлиджем.

– Я почти все утро провел на жаре, – ворчал он. – Неизвестно, что будет раньше: мы найдем трупы или я умру от солнечного удара. И не только я – половина моих подчиненных!

– Именно об этом я и хочу с вами поговорить. По-моему, на станции Моубрей не видел ни жены, ни детей...

– Не говорите глупостей! – оборвал его Хильдебранд, останавливаясь и глядя на Ратлиджа в упор. – Конечно, он их видел и именно поэтому впал в ярость!

– Черт побери, да послушайте же меня! По-моему, ему только показалось, будто он видел свою жену... а на самом деле он просто видел похожую на нее женщину с детьми. Дети, как он их описал, были ровесниками его детей на фотографии... Такие, какими он их запомнил. Но ведь он не видел их три года! И вот женщина с детьми так живо напомнила ему родных, что он пришел в замешательство. Но тут поезд тронулся, и он не сумел разглядеть лица женщины и поговорить с ней. К тому времени, как он вернулся в Синглтон-Магна, он был убежден, что видел их, что его жена и дети каким-то образом выжили. После того как он их не нашел, у него случилось помутнение рассудка. Он решил, что жители городка вступили в сговор и спрятали от него Мэри и детей. Он все больше распалялся...

Хильдебранд смотрел на него исподлобья. Он явно был не в том настроении, чтобы слушать бредни приезжего...

– Похоже, старина, это у вас от солнца мозги расплавились! Он потому и погнался за женой, что узнал ее. Ее он убил, а детей нам нужно разыскать...

– Моубрей вполне мог убить женщину, – согласился Ратлидж, с усилием беря себя в руки. – Но всякий раз, как мы расспрашиваем местных жителей о пропавших, мы даем понять, что ищем жену и детей Моубрея. А их никто не видел! Если бы мы знали фамилию женщины... детей... или их спутника... возможно, мы услышали бы другие ответы!

– Фамилию их спутника? То есть если он женился на ней и она взяла его фамилию? По-вашему, в таком случае мы сразу их найдем, если будем говорить всем: «Слушайте, мы ищем герцогиню Мальборо, вот ее фотография, а вот ее дети». И тогда какой-нибудь скучающий лакей наверняка ответит: «Она поехала навестить свою кузину в Лайм-Риджис, мы не ждем ее домой еще несколько дней!» Потом лакея придется долго убеждать в том, что его хозяйка вовсе не в Лайм-Риджис, что ее убили!

Ратлидж глубоко вздохнул:

– Если бы мы знали, кто пропал без вести, нам было бы с чего начинать. Да. Вы правильно поняли, что я хочу сказать.

– Но ведь мы все знали с самого начала! – возмутился Хильдебранд. – И вы не убедите меня в том, что жертва – не миссис Моубрей. Я не верю в совпадения! – Первое впечатле-

ние оказалось верным. Хильдебранд подумал: инспектор Скотленд-Ярда все-таки надоеда, который любит совать нос в чужие дела.

– Никакого совпадения здесь нет. У него случилось помутнение рассудка. Он увидел женщину из окна поезда, решил, что перед ним его жена. Он не успел как следует рассмотреть ее, а к тому времени, как пешком вернулся в Синглтон-Магна, он нисколько не сомневался в том, что видел свою Мэри. Он находит женщину на окраине городка и убивает ее, потому что к тому времени может думать только об одной женщине: своей жене!

– Позвольте спросить, для чего бедняжке понадобилось идти из города пешком? И если она не миссис Моубрей, то откуда она вообще взялась? Как ее фамилия? И почему *ее* никто не разыскивал? Ответьте!

Все безнадежно. Ратлидж, уже готовый напомнить Хильдебранду о том, что дети за три года должны были вырасти и измениться, решил, что сейчас инспектор останется глух к его доводам. Поэтому он сказал:

– Ответить вам я пока не могу. Заметьте, пока! Но ваши поисковые отряды не найдут то, что ищут, хотя я готов помогать всеми силами, лишь бы раскрыть это убийство.

– Убийство уже раскрыто, странно, что вы не заметили! Что делает Моубрей за решеткой, почему его день и ночь охраняют, чтобы он не покончил с собой? Дело раскрыто! Если вы не можете помочь, хотя бы не путайте меня, не мутите воду и не занимайтесь домыслами, которые... так же бессмысленны, как полет вон с той крыши.

– По своему опыту... – начал Ратлидж.

– Чушь! – Хильдебранд отвернулся от него, но тут же снова посмотрел на Ратлиджа, упрямо выпятив подбородок. – Дело веду я! Вас прислали из Лондона, чтобы найти детей. Или их трупы. Вы должны помогать мне, если поиски придется вести на других участках! Пока поисковые отряды прочесывают всю округу под палящим солнцем, вы гоняетесь за призраками. Делайте свое дело, а остальное предоставьте мне!

Ратлидж решился на последнюю попытку.

– Слушайте... Если вы отдадите Моубрея под суд в таком состоянии, как сейчас, присяжные потребуют доказательства того, что он сделал, – точнее, что он сделал по вашему мнению. Где оружие убийства? Где мотив? Где возможность совершить преступление? Присяжным нужно будет убедиться в том, что дети действительно погибли, погибли от его руки. Ведь несчастному грозит смертный приговор; никто не хочет осудить невиновного. Его адвокат обложит вас со всех сторон и развалит ваше дело задолго до окончания процесса. Он докажет, что Моубрея можно заставить признать под присягой, что он – Джек-потрошитель или русский царь. А если мы ошибаемся... в чем-то конкретном...

– Вы уже знакомы с Джонстоном, защитником Моубрея? После гибели сына он стал другим. Сейчас он, можно сказать, стоит одной ногой в могиле. Джонстон не будет очень уж стараться и разваливать дело. Его совесть будет спокойна, если Моубрея отправят не на виселицу, а в сумасшедший дом. И то если ему хоть чуть-чуть не все равно! Как только мы найдем остальные трупы, никакой суд присяжных в Англии не оправдает Моубрея! – Пройдя десять шагов, Хильдебранд второй раз круто развернулся. Он так злился, что не мог успокоиться. – Делайте то, ради чего вас сюда прислали! Здесь вам не Корнуолл, вы не найдете на моем участке темных, мрачных тайн, и вы мне дело не развалите!

Он ушел, размахивая руками; ему явно хотелось кого-то или что-то ударить, чтобы ослабить напряжение. Ратлидж смотрел ему вслед, не обращая внимания на косые взгляды прохожих. Хильдебранд перешел дорогу и скрылся в «Лебеде».

«А что я тебе говорил?» – начал Хэмиш.

«Ничего не желаю слушать!»

Ратлидж развернулся и зашагал в гору, к выгону. Под деревьями было прохладно.

Виновен ли Моубрей в убийстве жены? И убил ли он собственных детей? Или в комнате при доме местного врача лежит тело совершенно посторонней женщины, по нелепой случайности очутившейся на пути безумца? А как же дети... и мужчина, который был с ними? Существуют ли они или всплыли из темных пучин горя, вызванных в воображении по прихоти воспаленной памяти?

Ратлидж чувствовал: здесь что-то не так. Что-то таится в глубине, как труп подо льдом! И потом, когда придет время, тайна поднимется на поверхность и укажет на убийцу обвиняющим перстом...

«Начальник здешней полиции хочет, чтобы все ответы были гладкими, как подарок на день рождения, перевязанный лентами и завернутый в серебряную бумагу, – заметил Хэмиш. – Ему все равно, что произошло на самом деле. Постарайся не злить его и не путаться у него под ногами. Из него получится опасный враг!»

«Мы должны подумать об убитой женщине, – напомнил Хэмишу Ратлидж. – И о мужчине, который сидит за решеткой. – Но чем он поможет Моубрею, даже если докажет, что убийца – не он? Непосильное горе сломило беднягу... Ратлидж посмотрел на воронов, которые каркали на дереве над его головой. – Не думаю, что мы найдем детей», – задумчиво продолжал он.

«Тогда где же они?» – поинтересовался Хэмиш.

«В безопасном месте», – ответил Ратлидж, хотя ни за что не смог бы объяснить, откуда у него такая уверенность.

* * *

Он пообедал в «Лебеде», наслаждаясь роскошью уединения. Было почти два часа; в углу медленно возилась молодая официантка. Зевая, она насыпала сахар в сахарницы, а затем принялась собирать со столов солонки и перечницы. Внешне она была очень похожа на горничную Пег. Может, они сестры? Тихо позвякивали серебряные крышки. Глядя на нее, Ратлидж перебирал в голове все подробности дела.

До обеда он успел сходить на железнодорожную станцию и попросил начальника расспросить своих коллег на линии, не находили ли бесхозные чемоданы на конечной остановке.

Быстро и уверенно застучал телеграфный ключ; потом наступила тишина.

– Возможно, чемоданы нашел проводник задолго до конечной остановки, – сказал начальник станции.

Ратлидж задумался. Проводник, ссадивший Моубрея с поезда, был человеком опытным; судя по материалам дела, его уже допросил лично Хильдебранд. Он первым заметил бы любые бесхозные вещи, которые обнаружились тогда же или позже.

Начали приходить ответы. Начальник станции покачал головой:

– Бесхозных вещей не находили. Ни в тот день, ни вообще на той неделе.

– Запросите все промежуточные станции...

– Все? – изумленно спросил начальник станции, глядя на Ратлиджа в упор.

– Все, – ответил Ратлидж. К сожалению, они получили такие же ответы. Потерянного, бесхозного багажа не обнаружено.

– Возможно, у них было с собой совсем немного вещей, – сказал начальник станции. – Вдруг они куда-то ехали всего на один день? Для начала было бы неплохо выяснить, что именно мы ищем.

Ратлидж покачал головой:

– Сам не знаю. Если придут еще какие-нибудь сообщения, я остановился в «Лебеде». Сразу дайте мне знать! – Он понимал, что его надежды, скорее всего, не оправдаются.

Обедать он пошел поздно; начальник станции тоже заторопился.

– Жена ждет меня к обеду, – сообщил он, выводя Ратлиджа из своего маленького, захламленного кабинета. – Она не любит, когда я опаздываю!

– Передайте, что вам пришлось помогать полиции, – ответил Ратлидж и пошел дальше.

Версии начали возникать за едой. Он обдумывал их, повторял, вертел так и сяк, чтобы убедиться, что он прав.

Что бы ни случилось здесь, в Синглтон-Магна, нельзя забывать об убитой женщине.

С этого неоспоримого факта и надо начинать.

Глава 7

Весь остаток дня и начало вечера Ратлидж наводил справки об убитой женщине.

В Синглтон-Магна никто не сомневался в том, что она – жена Моубрея. Та самая, в поисках которой обезумевший от гнева Моубрей рыскал по городу.

Все охотно рассказывали о своих встречах с Моубреем; те, кто не видел его собственными глазами, слышали о нем от знакомых. По словам горожан, Моубрей кипел от гнева и угрожал ее убить. Он выполнил свою угрозу – ведь женщина погибла! Однако о ней самой никто ничего рассказать не мог. Как будто в жизни ей была отведена единственная роль – роль жертвы.

Даже Харриет Мейсон, женщина, которая приехала к тетке тем же поездом, что и Моубрей, ничего не помнила.

– В дороге меня так укачало, что я ни на что не обращала внимания. Мне хотелось одного: поскорее добраться до тетушки, – многозначительно сказала она, глядя на Ратлиджа из-под редких светлых ресниц.

Миссис Хайндс, страдавшая ревматизмом и никому не желавшая быть в тягость, сказала:

– В тот день, кроме Харриет, я видела всего одну пассажирку, которая сходила с поезда. Ее встречала миссис Уайет. На гостье была очень красивая шляпка... Но Харриет замутило, и у меня совершенно не было времени глазеть на других пассажиров, хотя вместе с ней выходили и другие... – Она неожиданно лукаво улыбнулась, и в ее глазах замелькали веселые огоньки. – Инспектор, извините нас, пожалуйста. По-моему, мы похожи на увечных и хромых из Священного Писания!

Харриет мрачно посмотрела на тетку; миссис Хайндс кротко улыбнулась в ответ.

* * *

На следующее утро Ратлидж выехал рано. Он заходил во все дома, стоящие вдоль шоссе, однако его расспросы оказались безрезультатными. Дальше он отправился в деревню Стоук-Ньютон. Там жили три пассажира, приехавшие в Синглтон-Магна на одном поезде с Моубреем. Фермера, его жену и их младшую дочь встретил арендатор. Домой они приехали «в фургоне», как дружелюбно пояснила миссис Таннер. Она провела Ратлиджа в гостиную, посередине которой стояла кадка с огромной аспидистрой. Ратлиджу стало не по себе; ему казалось, что широкие листья душат его.

– Мы ехали вместе с говяжьими тушами! – добавила миссис Таннер.

– Вы не заметили в поезде миссис Моубрей или ее детей?

– Инспектор, вы и не представляете, каким переполненным был поезд! Вместе с нами из Лондона ехала целая толпа отпускников; в основном семьи с детьми всех возрастов, от полугода до десяти лет. Все дети носились и кричали, но я не возражаю против детского крика. Как я всегда говорю, шумный ребенок – здоровый ребенок. Нам еще крупно повезло, что мы нашли место! Знаете, мы много говорили о том, что произошло... Если даже миссис Моубрей и ее малыши ехали одним поездом с нами, мы их не заметили. У нас не было на то причин. Они были всего лишь одной из многих семей!

Во второй половине дня Ратлидж приехал в Чарлбери и спросил у Дентона, хозяина «Герба», как найти дом Уайетов. Как он и думал, Уайеты жили в самом большом доме наискосок от церкви.

– Вы его не пропустите. Он очень большой, и еще до войны к нему пристроили крыло. В новом крыле мистер Уайет собирался устроить себе кабинет; потом он остался бы мистеру Саймону. Теперь крыло ремонтируют; там будет музей, о котором так печется мистер Саймон.

Ратлидж толкнул калитку и вошел в палисадник, заросший розовой геранью и ароматной лавандой; дальше виднелись белые левкои и высокие белые дельфиниумы. Он поднялся по двум ступенькам на невысокое крыльцо. Горничная открыла дверь до того, как он позволил.

– Если вы насчет упавших полок, мистер Уайет в новом крыле, – мрачно проговорила она.

Ратлидж посмотрел, куда она указывает пальцем, и по кирпичной дорожке подошел ко второй двери, ведущей в новое крыло. Он постучал.

– Войдите! – крикнул мужчина.

Ратлидж вошел и очутился посреди полного разгрома.

Пол загромождали штабеля коробок, высокие, как снежные сугробы. Рядом высились застекленные шкафы, заполненные самыми разными предметами: статуэтками, оружием, музыкальными инструментами. Такой пестрой коллекции Ратлидж в жизни не видел. Насколько он мог судить, большинство экспонатов прибыло с Востока. На полках рядом с приземистыми божками и масками животных изгибались танцовщицы. Кинжалы и мечи были развешаны веером; их острия поблескивали в солнечном свете. Кто-то расположил ярусами разноцветные зонтики: желтые, черные, белые. Зонтики окаймляли что-то блестящее, похожее на слитки золота. Экспонаты перемежались кусками, как ему показалось, дверных и оконных рам, покрытых узорчатой резьбой. Тут же стояли пестро разодетые куклы. Одни куклы были объемными, другие – плоскими, нарисованными на коже. Ниже, на другой полке, он увидел аккуратные ряды экзотических бабочек, наколотых на булавки. Они напоминали эмалевые броши всех цветов радуги. В Англии такие яркие бабочки не водятся. Даже Хэмиш при виде их ненадолго умолк, преисполнившись пресвитерианского ужаса. Опомившись, Хэмиш проворчал, что все экспонаты будущего музея языческие и потому не внушают доверия.

Прежде чем Ратлидж успел ответить, раздраженный мужской голос продолжал:

– Ну, что вы там возитесь? Идите-ка сюда и взгляните, что случилось! Настоящая катастрофа!

Войдя в соседнюю комнату, Ратлидж увидел стоящего на коленях человека. Он собирал раковины, которые, видимо, упали с высокого стеллажа. Многие полки в стеллаже покосились, несколько полок упало.

– Вам чертовски повезло, что они не разбились! Вы клялись, что стеллаж выдержит... – Не договорив, он увидел гостя и понял, что перед ним вовсе не плотник, за которым он, видимо, посылал. – Кто вы такой?

Ратлидж узнал в нем вчерашнего блондина со стремянкой.

– Мистер Уайет? Инспектор Ратлидж из Скотленд-Ярда. Я пришел поговорить с вами о...

– Не сейчас, прошу вас! Неужели вы не видите, что у нас случилось? Я жду Балдриджа или кого-нибудь из его подручных, и ему придется держать ответ! Я его двадцать раз просил понадежнее укрепить полки, потому что экспонаты тяжелые. И вот, не успели мы расставить все по местам, как полки не выдержали тяжести!

Уайет встал на ноги. Он был высоким и стройным; лицо дышало и умом, и силой. В уголках его голубых глаз проступили лучики морщинок. Такие лучики появляются, если человек часто смеется, но глубокие складки в углах рта говорили об обратном. Они свидетельствовали о крайнем напряжении. Уайет еще раз окинул взглядом разгром:

– Некоторые из этих раковин бесценны. Они собраны на островах Тихого океана, и каждая была тщательно пронумерована и лежала в отдельной коробке, чтобы ничего не перепутать. И вот взгляните, что случилось! Наверное, придется выписать специалистов из Лондона, чтобы они снова разложили их по порядку.

– Мистер Уайет, я отниму у вас всего минуту, – перебил его Ратлидж. – Насколько я понял, тринадцатого августа вы или ваша жена встречали гостью на станции Сингльтон-Магна. Это так?

– Да, да, мы встречали мисс Тарлтон из Лондона. Она моя новая помощница. Точнее, будет ею, если мне удастся убедить жену принять мисс Тарлтон на работу. Миссис Уайет иногда проявляет редкостное упрямство, и только потому, что... – Он замолчал, сообразив, что обсуждает свои личные дела с незнакомым человеком, к тому же с полицейским. – Мисс Тарлтон мне порекомендовал человек, чьему мнению я доверяю. К сожалению, по данному вопросу мы с миссис Уайет придерживаемся разных точек зрения. Итак, я побеседовал с мисс Тарлтон и пригласил ее вернуться в конце месяца, когда она должна будет приступить к работе. – Уайет плотно сжал губы, как будто предвидел, какой бой ему придется выдержать.

– После собеседования ваша гостья вернулась в Лондон?

– Да, да. Ага... Балдридж! – воскликнул Уайет, глядя за спину Ратлиджу. – Посмотрите, что учинили ваши рабочие! Я заставлю вас вернуть все, что я вам уплатил, до последнего пенни!

Обернувшись, Ратлидж увидел моложавого крепыша в черном костюме. Его фигура заняла весь дверной проем.

– Говорил я вам, мистер Уайет, надо было дать полкам просохнуть и только потом что-то расставлять на них! – укоризненно прогудел он.

– Оказывается, я же еще виноват! – Уайет презрительно фыркнул. – А я велел вам закрепить полки понадежнее, и посмотрите, что получилось! Вы так понимаете слово «понадежнее»!

– Мистер Уайет... – начал Ратлидж.

– Идите в дом с другого входа и поговорите с моей женой Авророй, – сказал ему Уайет. – Она расскажет все, что вам нужно узнать! – Не удосужившись посмотреть, как Ратлидж отнесся к его распоряжению, он повернулся к Балдриджу и погрозил ему пальцем.

Ратлидж вышел из музейного крыла, думая о том, что Дентон прав. Такому музею в самом деле не место в Чарлбери. Кто приедет любоваться восточными диковинками в такую глушь?

Он вернулся к главному входу. Ему открыла та же горничная, что и в прошлый раз.

– Извините, сэр! – воскликнула она. – Мистер Уайет не сказал, кого ожидать. Почти все утро он по телефону ругался с подрядчиком из Шерборна, и тот обещал прислать плотника.

– Ничего страшного, – ответил Ратлидж. – Я бы хотел, если можно, поговорить с миссис Уайет.

– Она в саду за домом. Подождите, пожалуйста, в гостиной, я за ней схожу. Как вас представить, сэр?

– Ратлидж. Я пойду с вами, чтобы сэкономить время. – Он невольно злился на Уайета, который ради него не пожелал отложить свои дела.

Горничная с сомнением покосилась на него, но все же повела к застекленным дверям, выходящим в сад. Ратлидж еще издали увидел, что кто-то работает в сарае в конце дорожки.

– Спасибо, – сказал он. – Дальше я сам.

– А может быть, лучше... – возразила было служанка.

Ратлидж посмотрел на нее сверху вниз:

– Ничего страшного. Мистер Уайет сам предложил мне поговорить с его женой, а беседовать в саду ничуть не хуже, чем в доме.

Его слова как будто успокоили горничную, и она ушла, а Ратлидж зашагал по дорожке к сараю. Услышав хруст его шагов по гравию, из сарая вышла женщина в сером рабочем халате и посмотрела на него, щурясь на солнце.

Узнав друг друга, оба удивились.

– Миссис Уайет? – спросил Ратлидж.

Она наклонила голову:

– А вы... инспектор Ратлидж? – Ему показалось, что она растерялась. – По-моему, муж сейчас занят в пристройке...

– Я пришел поговорить с вами.

Ее глаза потемнели.

– Вы не... Неужели нашли детей?

– Нет. Сегодня я здесь по другому поводу. Меня интересуют все пассажиры, приехавшие в Синглтон-Магна одновременно с миссис Моубрей и ее детьми. От мистера Уайета я узнал, что к вам в тот день, тринадцатого августа, приезжала гостья. Пожалуйста, расскажите мне о ней! – Ратлидж не сразу сообразил, что заговорил с миссис Уайет по-французски. Это казалось ему естественным. Однако на середине последней фразы он вдруг опомнился и перешел на английский.

– Да, к нам приезжала мисс Тарлтон из Лондона, – по-английски ответила Аврора Уайет. – Муж пригласил ее для беседы. Он хочет, чтобы она стала его помощницей. – Говорила она вполне свободно, хотя и настороженно. Ратлиджу казалось, что он улавливает малейшие оттенки ее настроения.

– Вы встретили ее на станции?

– Да, встречать ее поехала я. Саймон не смог – в последнее время он очень занят музеем.

Ратлиджу показалось, что он различил в ее интонации намек на иронию.

– Мисс Тарлтон долго пробыла у вас?

– Всего два дня.

– Кто отвез ее назад, на станцию? Вы?

– Ее должна была отвезти я, да. Но я задержалась на ферме... мне приходится ею заниматься, пока Саймон так занят музеем. Когда я вернулась, ее уже не было. Наверное, Саймон позаботился о ней вместо меня. Поезда не ждут телят, у которых случились колики. – Она криво улыбнулась.

– Да, не ждут, – ответил Ратлидж. Ему пришлось напомнить себе, что Аврора Уайет ничем не отличается от любых других свидетелей, которых ему приходится допрашивать. С другой стороны, он познакомился с ней раньше, чем узнал о ее причастности к делу – если, конечно, она к нему причастна. Поэтому она как будто получала преимущество. Как будто отношение могло измениться оттого, что они встретились на равных.

Аврора спокойно ждала. Ратлиджа поразила ее безмятежность. Она казалась предельно собранной и спокойной. И смотрела она на него спокойно, как будто изучала его. Время словно остановилось... Ратлиджу пришлось встряхнуться.

Почти все его знакомые француженки держались хладнокровно, а чувство собственного достоинства у них, казалось, было врожденным. Они без труда, живо поддерживали беседу, флиртовали, но вполне невинно. Стоявшая перед ним женщина отличалась от его знакомых. Она показалась Ратлиджу бездонным тихим омутом. Бездонным – но не безмятежным, нет.

«Она не убийца», – заметил Хэмиш, очевидно угадавший его настроение.

Аврора сняла садовые перчатки и через голову стянула халат.

– Весь день жду Саймона... Представьте, я даже забыла про чай. Хотите выпить со мной кофе... или, может быть, вина? Под деревом стоит стол. Сейчас позову Эдит. – Она наморщила нос. – До сих пор я так и не привыкла пить чай... Но я стараюсь.

Ратлидж вместе с ней подошел к застекленным дверям. От нее исходил едва уловимый аромат ландыша. Ратлидж понял, что это ее духи. Сначала ему показалось, что такой сладкий аромат не идет ей. Авроре следовало выбрать что-то более терпкое... или, во всяком случае, более броское. Но сегодня, в простом сером платье с поясом на пуговицах и отложным белым воротником, она выглядела совсем не броско, не вызываяще. Чем-то она напоминала квакершу.

Войдя в дом, она позвала Эдит, а его оставила в саду.

Хэмиш, который давно уже проснулся и беспокойно ворочался в голове Ратлиджа, напомнил ему, что он полицейский, сейчас на работе, и посоветовал держать голову на плечах.

Его слова оказались как нельзя кстати. Ратлидж подошел к маленькому столу и смахнул бабочку, сидевшую на ближайшем стуле. Интересно, что она подумала бы о своих ярких собратях, приколотых булавками в застекленной витрине. Может, решила бы, что это послужит им уроком – нечего так откровенно привлекать к себе внимание?

Аврора Уайет вернулась; она села на стул напротив Ратлиджа.

– Эдит говорит, что вы уже побывали в музее. Что вы о нем думаете?

– Он... необычный, – осторожно ответил Ратлидж, немного подумав.

Она рассмеялась низким, грудным смехом, удивив его.

– Как это по-английски! – воскликнула Аврора. – Англичане – мастера преуменьшения, верно? – Она немного посерьезнела и продолжала: – Музей стал для Саймона смыслом жизни. Надеюсь, он знает, что делает, и не тешит себя иллюзиями.

– В каком смысле?

– Все его предки, все Уайеты занимались политикой. Так было на протяжении многих поколений. Все думали – как вы понимаете, до войны, – что Саймон тоже будет баллотироваться в парламент. С детства его ни к чему другому не готовили. Политика очень подходит к его характеру. Красивый, способный, он обладает природным обаянием и внушает к себе уважение. Но теперь он даже не вспоминает о политике. Говорит только о своем музее, о котором ему известно так мало. – Глаза ее потускнели. – Правда, за четыре военных года мы все стали другими. И он женился на мне, что было не очень-то мудрым шагом для политика. Жена-англичанка была бы безопаснее. Она... была бы более... *комильфо*.

Ратлидж не ответил, но неожиданно представил себе Аврору Уайет в окружении избирателей и избирательниц в тихом дорсетском избирательном округе. Кошка на голубятне...

– Насколько я понимаю, его второй дед был некоторым образом исследователем, ученым?

– Да, он много путешествовал в Тихом и Индийском океанах. Он завещал Саймону свои коллекции – наверное, надеялся, что внук выставит и прославит деда так же, как в свое время прославились Дарвин или Кук. Во Франции Саймон мне ничего о нем не рассказывал. И, только приехав в Англию, я поняла, что он относится к завещанию деда очень серьезно. Очень долго его коллекции хранились в Лондоне. И вдруг... Саймон ни о чем не желает слышать, кроме своего музея! – Она пожала плечами так, как это умеют только француженки, подняв плечи и склонив голову набок, как будто совершенно отказывалась понимать своего мужа. – Вот почему мне иногда кажется, что Саймон все равно считает себя обязанным угождать хотя бы одному предку... Если не Вестминстер, то хотя бы музей. По-моему, это очень печально. Вам так не кажется?

– А чего хочет сам Саймон Уайет?

– Ах! – с горечью воскликнула Аврора. – Если бы я знала, я была бы настоящей счастливой!

Из дома вышла Эдит; она несла на подносе бокалы и бутылку вина.

– Кофе еще не готов, – сказала она с виноватым видом.

– Меня и вино устраивает, – ответила Аврора, наливая сначала Ратлиджу, а затем себе. Вино оказалось очень хорошим – сухим и идеальным для жаркого вечера. Аврора с улыбкой смотрела, как он пьет, потом спросила: – Вы, наверное, воевали?

– Откуда вы знаете?

Она склонила голову и, прежде чем ответить, некоторое время разглядывала его.

– Вы очень хорошо говорите по-французски. И умеете ценить хорошее вино. – Ратлидж понимал, что она не совсем откровенна с ним. Ей хотелось сказать что-то другое.

– Война – не вино и не иностранный язык, – грубее, чем собирался, ответил он. – Те четыре года были очень тяжелыми. Хорошо, что все наконец закончилось.

«Закончилось ли?» – эхом отозвался Хэмиш у него в голове.

– Закончилось, но не забылось, – проницательно заметила Аврора, глядя Ратлиджу в глаза и видя в них больше, чем он готов был ей открыть. – Да, я все понимаю. И мне довелось увидеть смерть и страдания... И моему мужу тоже. Я думала... было время, когда мне казалось, что он не переживет войну. Я наблюдала за ним и знала, что он ждет смерти. Иногда это значит, что так все и будет. Подобно многим его сверстникам, которые записывались добровольцами, Саймон не понимал, что он смертен. Война казалась ему игрой... Немного повоюет и вернется в Итон. А когда он понял, что война совсем не игра, было уже поздно. Ему оставалось только одно: сражаться и ждать, когда за ним придет смерть. И даже смерть его подвела. Иногда мне кажется: те, кто остался в живых, чувствуют себя виноватыми, потому что они выжили, а другие многие умерли.

Ратлидж подумал о Хэмише и отвернулся. Ее слова попали в цель и не могли его утешить.

Поставив бокал на стол, она с горечью спросила:

– Можно ли что-нибудь сделать?

– Нет. – Ему хотелось как-то обнадежить ее, но он не мог. Она обратилась не к тому человеку... Спустя какое-то время он сообразил, что Хэмиш настойчиво дергает его, напоминая, что Аврора сменила тему, а он забыл, зачем сюда пришел. Интересно, она намеренно уклонялась от разговора или все дело в том, что он внимательно ее слушал и дал понять: он понимает, о каком страдании она говорит?

Как будто прочитав его мысли, Аврора Уайет нахмурилась:

– Почему я вам все это рассказываю? Знаете, я ни с кем об этом не говорила, даже с монахинями!

«Она не из тех, кто что-нибудь делает просто так, случайно», – заметил Хэмиш.

Ратлидж вернул разговор к приезду мисс Тарлтон.

– У меня сложилось впечатление, что мистер Уайет склонен взять мисс Тарлтон на место... своей помощницы. Я прав?

Аврора Уайет отвернулась. Ее безмятежность по-прежнему поражала Ратлиджа. Ему показалось, что невозмутимость у нее в крови. Но в ней угадывалась и сила, которая как будто прикрывала большую, невыразимую боль. Отчасти дело было в том, о чем она ему только что рассказала, но это не все. Далеко не все! В последнем он не сомневался.

– Если вас интересует, одобряю ли я его выбор... Мой ответ – нет. И дело даже не в самой мисс Тарлтон. Она производит впечатление порядочной и способной девушки. Кроме того, она на удивление хорошо знает Азию. Насколько я понимаю, ее отец служил в Индии. Как помощница она была бы весьма полезна Саймону. Но мне кажется... что подумать о помощнице следовало самому Саймону. Он не должен был следовать советам... других.

– Извините, но я не вижу здесь никакого противоречия. Главное, чтобы помощница знала свое дело.

Аврора повернулась к нему, водя пальцем по краю бокала. Глаза у нее потемнели еще больше.

– Она будет жить с нами под одной крышей. Питаться с нами за одним столом. Участвовать в нашей жизни. Мысль о ее приезде меня угнетает. Кроме того, мне кажется, что она меня не одобряет.

– Почему? – изумился Ратлидж. – Не потому ли, что вы – француженка? За такой короткий срок она вряд ли успела хорошо узнать вас!

– Да, потому что я – француженка! Я вышла за Саймона Уайета во Франции, во время войны. И некоторые считают... а, не важно! Вас наши дела не касаются; вы пришли, чтобы поговорить о мисс Тарлтон, а не обо мне!

Помолчав, Ратлидж осторожно начал:

– Некоторые считают... что вы воспользовались одиночеством мистера Уайета?

Аврора отпила вина и поставила бокал на стол.

– Вы не знали моего мужа до того, как он уехал во Францию. И я не знала. Но мне говорили... о, как часто говорили! – что он мог бы стать выдающимся министром... великим премьер-министром... или даже, если им верить, самим Господом Богом! Они считают... я имею в виду друзей и коллег его отца... что теперешняя перемена стала результатом его брака. Поэтому за все, что с ним случилось, в ответе я. Им проще обвинить во всем меня, чем понять, почему он предпочел свой дурацкий музей карьере, к которой его готовили всю жизнь!

– Раз сам Уайет ни в чем вас не винит, какая разница, что думают или говорят другие?

Аврора презрительно улыбнулась:

– Типично мужская логика! Вы не живете в женском мире, не знаете, какая там дикость. Там бывает хуже, чем в джунглях...

В сад из дома вошел Саймон Уайет.

– Представляешь, он говорит, что я сам во всем виноват! Идиот! Мне очень хотелось прикрутить его к стене его же шурупом! – Подойдя к столу, он выдвинул третий стул. – Что это? Вино! Боже правый, надеюсь, ты сначала предложила инспектору джин или виски!

– Эдит тебе принесет, если хочешь, – сказала Аврора мужу. – А инспектор, по-моему, уже уходит. Я провожу его до двери.

Немного удивившись, Ратлидж допил вино и поставил бокал на стол.

– Спасибо, миссис Уайет. – Он встал и протянул Саймону руку: – Надеюсь, ваш музей будет пользоваться успехом.

Саймон сразу помрачнел, как грозовая туча:

– Не знаю, не знаю. Главное – попытаться. Это все, что я могу. – Он пожал Ратлиджу руку, и Ратлидж следом за Авророй зашагал к выходу.

У парадной двери она сказала:

– Надеюсь, мы ответили на ваши вопросы.

– У меня остался еще один, – нехотя признался Ратлидж. – Будьте добры, скажите полное имя мисс Тарлтон и ее адрес, если вы его знаете.

– Ее зовут Маргарет. И она живет где-то в Челси. Что касается улицы и номера дома, вам лучше спросить Саймона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.